

В. А. ИВАНОВ

У ПОДНОЖИЯ РИФЕЙСКИХ ГОР

ПОИСКИ
НАХОДКИ
ИССЛЕДОВАНИЯ

В. А. ИВАНОВ

У ПОДНОЖИЯ РИФЕЙСКИХ ГОР

БАШКИРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
УФА 1982

63.5 (2Р-6Б)
И 20

Иванов В. А.

И 20 У подножия Рифейских гор. — Уфа: Башкнигоиздат, 1982. — 128 с., ил.

В книге рассказывается о важном периоде в истории древних племен Урала от начала I тысячелетия до нашей эры до первых веков новой эры, в археологии названной эпохой раннего железа

На основе широкого археологического материала автор воссоздает основные черты образа жизни и быта кочевых и оседлых племен, их духовную культуру, торговые и этнические связи с соседними племенами, прослеживает их исторические судьбы.

Книга представляет интерес для широкого круга читателей.

И $\frac{10602-486}{М 121(03)-82}$ 207—82 1603000000

63. 5 (2Р-6Б)

Введение

«...За недоступными вершинами Рифейских гор* живут блаженные гипербореи. Это счастливые и справедливые люди, здоровые и долговечные, жизнь которых — сплошной праздник в честь Аполлона, которые не знают ни тяжких трудов, ни кровавых раздоров. Страна гипербореев — солнечная с благоприятным климатом. Солнце у них восходит во время весеннего равноденствия, а заходит — во время осеннего, так что день и ночь делятся по полгода».

Эсхил. «Прикованный Прометей»

Суровый и прекрасный край — Урал, с яркой и богатой бурными событиями историей! С Урала, с Каменного Пояса молодое Русское государство шагнуло на восток, в бескрайние просторы Сибири. Отсюда, с берегов Яика, двести лет назад полыхнули первые зарницы, предвещавшие конец крепостнической ночи над Россией. Здесь, в уральских рабочих городах, создавались одни из первых опорных пунктов ленинской «Искры». И это — лишь отдельные, памяти человеческой доступные, вехи в истории нашего края, неразрывно связанные с историей нашей великой Родины. Но, пожалуй, пока только узкому кругу специалистов-историков известно, что этот суровый край издавна являлся колыбелью многих современных народов, ныне населяющих республики и области Поволжья, Прикамья и собственно Урала, что древние греки, римляне, персы, скифы знали об Урале и племенах, его населяющих, в той или иной степени пользовались богатствами его природы и вообще считали Урал (Рифейские горы) неотъемлемой частью Ойкумены. Правда, пока эти сведения известны из специальных книг и статей, научных докладов на археологических конференциях и симпозиумах, поскольку именно руками археологов, на раскопках, «в поле» добываются те разрозненные, но бесценные крупницы знаний, позволяющие восстановить место и роль Урала в истории Древнего мира.

Автор свою задачу видит в том, чтобы, опираясь на данные собственных исследований, а также исследований предшественников и коллег, ныне работающих в области уральской археологии, познакомить читателей с основными событиями древней истории на-

* Рифеями античный мир именовал Уральские горы.

шего края, удаленными от нас более чем на две тысячи лет и в науке получившими название эпохи раннего железа.

Почему раннего железа? Прежде всего, потому, что именно тогда, в I тысячелетии до н. э., железо постепенно, но неуклонно вытеснило камень и медь из всех сфер общественного производства, благодаря чему человечество вступило в новую и в значительной степени революционную стадию своего исторического развития, сопровождавшуюся колоссальными социально-экономическими изменениями и заложившую основы этнического самосознания многих современных народов, в том числе и тех, что и сегодня населяют просторы нашего края.

К сожалению, время не оставило нам ни легенд, ни преданий, ни документов, повествующих о событиях этой яркой и драматичной эпохи на Урале. А о том, что рассказывают нам вещественные остатки, найденные в толще земли, читатель узнаёт из этой книги.

У истоков цивилизации

В середине XII в. до н. э., то есть более 3000 лет тому назад, на Переднем Востоке начинается массовое производство железа, и человечество вступает в свой новый, железный век. Перемены, происшедшие в экономике и общественном строе древних народов в связи с распространением железа, были настолько грандиозны, что у ряда историков этот период получил название «железной революции».

В чем же заключались эти изменения и чем, собственно говоря, был обусловлен переход человечества к железу как основе экономического производства? Долгое время среди ученых бытовало мнение, что причиной относительно быстрого вытеснения из хозяйственной сферы бронзы железом явилась большая прочность и твердость последнего. Однако известный советский историк металлургии Е. Н. Черных установил, что ковкая бронза (а именно она шла на изготовление орудий труда и оружия у народов Евразии во II тысячелетии до н. э.) в три раза прочнее чистого железа и по твердости почти не уступает углеродистой стали. Более того, как свидетельствуют римские историки, через тысячу лет после начала массового производства железа, в I в. до н. э., галлы, сражавшиеся против римлян, ковали свои мечи из такого мягкого железа, что почти после каждого удара должны были выпрямлять их ногой. Следовательно, причина крылась отнюдь не в технологических свойствах этого металла.

По мнению многих ученых — историков Древнего мира, основной причиной перехода человечества от бронзовой индустрии к железной явился колоссальный

экономический кризис, разразившийся в странах Древнего Востока во второй половине II тысячелетия до н. э. В это время, в результате великодержавных войн египетских фараонов и ассирийских царей, сопровождавшихся массовым утоном пленных с завоеванных территорий, происходит перенаселение плодородных долин Нила, Тигра и Евфрата. В свое время для получения богатых урожаев с мягких аллювиальных почв этих долин их достаточно было только обработать деревянным плугом. Но насильственное переселение в эти районы покоренных племен вызвало резкий демографический взрыв, следствием которого явился острейший земельный голод, обрушившийся на Египет, Ассирию, Хеттское и другие ближневосточные государства в конце XIII — начале XII вв. до н. э.

Аналогичная ситуация складывается в конце II тыс. до н. э. и на огромных пространствах Европы и Азии, лежащих за пределами древних цивилизаций. Здесь также в результате роста населения исчерпывается фонд пойменных земель, поддающихся обработке деревянной сохой или плугом. Встает вопрос о необходимости освоения новых пашенных угодий, лежащих в стороне от традиционных речных долин. Однако бассейн Тигра и Евфрата окружен горами и пустынями, совершенно непригодными для земледельца, а что касается Евразии, то здесь, в частности, у земледельческо-скотоводческих племен степного Поволжья и Приуралья, обладавших практически неисчерпаемым фондом целинных земель, аграрная техника оказалась не в состоянии решить эту задачу, так как хрупкие бронзовые сошники легко ломались на твердых неполивных землях.

Из аграрного и демографического кризиса можно было выйти двумя путями: оснастить хозяйство качественно новыми орудиями труда или захватить плодородные земли у соседей. Последний путь, как более простой, широко практиковался многими народами и в последующие века.

И не случайно, вероятно, исследователи бронзового века Поволжья и Приуралья А. Х. Халиков, Ю. А. Морозов и др. отмечают массовый уход в конце II тыс. до н. э. скотоводческо-земледельческих племен срубной культуры из волго-уральских степей на запад, в плодо-

родные поймы Подонья и Поднепровья, которые в то время отнюдь не пустовали. Одновременно лесные племена Центральной Европы начинают свой натиск на юг, на богатые земли Балкан и Среднего Дуная, а далеко на востоке воинственные индоарии уничтожают древние цивилизации долины Инда, тогда как родственные им племена чжоу в конце XII в. до н. э. стирают с лица земли древнекитайское царство Инь.

Но, пожалуй, наиболее наглядным в этот период были действия императоров Ассирии, Египта, Индии, которые теперь вели свои войны уже не с целью захвата пленных, а новых территорий, куда можно было бы переселить избыточную рабочую силу. И не случайно, как свидетельствуют документы, войны конца II — начала I тысячелетия до н. э. отличаются исключительной жестокостью победителей к побежденным. Так, по подсчетам профессора И. М. Дьяконова, в течение 7 лет, с 883 до 876 г. до н. э., на территориях, отошедших к Ассирии, было физически истреблено не менее трети взрослого мужского населения. Число убитых женщин было не меньшим, а маленьких детей обычно уничтожали на месте. Но для ведения захватнических войн нужны были большие запасы вооружения, то есть надежные источники сырья, легко доступного и легко поддающегося обработке. Но медь и бронза этому требованию не отвечали. Дело в том, что медные месторождения на земле сравнительно редки, и в бронзовом веке процесс выплавки меди и ее обработки были, как правило, разделены в пространстве. Так, крупнейшие государства древней цивилизации — Египет и Месопотамия — совершенно не имели своей медной руды и работали на привозном сырье. Древнейшие металлурги Поднепровья везли сырье с Балкан, а позже — с Кавказа, а племена сейминско-турбинской культуры на Средней Каме и Волге — из Зауралья, с нынешнего месторождения Бакр-Узьяк под Магнитогорском. И подобных примеров можно привести немало.

В то же время, железо в виде болотной руды было распространено почти повсеместно и добывать его, в отличие от хорошего кремня или медной руды, было несложно. Следовательно, как «стратегическое сырье» оно было всегда под рукой. А главное, обладая вязкостью, оно позволяло создавать орудия, пригодные

для обработки залежных земель, ранее недоступных земледельцу.

Результаты революции, происшедшей в экономическом производстве после окончательной победы железных орудий, исчерпывающе сформулированы Ф. Энгельсом в его книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства»: «Человеку стало служить железо, последний и важнейший из всех видов сырья, игравших революционную роль в истории, последний — вплоть до появления картофеля. Железо сделало возможным полеводство на более крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из известных тогда металлов. Все это не сразу; первое железо бывало часто еще мягче бронзы. Каменное оружие поэтому исчезало лишь медленно... Но прогресс продолжался теперь неудержимо, с меньшими перерывами и быстрее».

Появление железных орудий труда у земледельческо-скотоводческих племен Евразии объективно способствовало и росту производительных сил у них. Действительно, железным топором можно было сравнительно быстро расчистить в лесу под пашню большой участок, который, будучи удобрен золой и пеплом от сожженных деревьев в течение 2—3 лет, гарантировал земледельцу высокий урожай и, соответственно, полные закрома. А сохой с железным сошником или железным плугом можно было осваивать целинные черноземы, недоступные для бронзовых или костяных орудий. Так у земледельцев восточноевропейской лесостепи начинают скапливаться излишки зерна, необходимого грекам, уже в VI в. до н. э. «рассевшимся» по берегам Евксинского Понта (Черного моря).

Кроме хлеба на средиземноморских и переднеазиатских рынках высоким спросом пользовались крепкие и выносливые рабы из далеких северных земель, золото и, конечно же, пушнина — товар, хотя и не первой необходимости, но зато весьма престижный.

В торговом обмене между лесными племенами Восточной Европы и античным югом активно участвовали степняки-кочевники. Прежде всего они сами в огромном количестве поставляли на рынки греческих ко-

лоний и азиатских городов скот и «живой товар» — рабов. Кроме того, кочевники, в силу своего географического положения и подвижного образа жизни, выступали в роли посредников, осуществлявших торговую связь леса с рабовладельческим югом. Таким образом, возможность создавать излишки продуктов послужила толчком для активизации межплеменного обмена. Сразу же устанавливается ассортимент товаров, поставляемых охотничье-земледельческими лесными племенами на южные рынки. Среди них на первом месте были пушнина и продукты лесных промыслов.

Полученные в результате обмена богатства скапливаются в руках отдельных родов, становятся объектом зависти и грабительских устремлений соседей. И не случайно вокруг родовых и племенных поселков начинают возводиться мощные укрепления, предназначенные для защиты накопленных богатств как от воинственных пришельцев, так и от своих же, менее удачливых в торговле, соплеменников. А кочевники, для которых оседлые земледельческие племена становятся неиссякаемым источником «живого товара», создают мощные военные дружины и начинают свои бесконечные войны с целью захвата рабов и грабежа, войны, положившие начало многовековой вражде кочевой степи и оседлого леса. Вот как писал об этом периоде Ф. Энгельс: «...война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни. Богатство соседей возбуждает жадность народов, у которых приобретение богатства оказывается уже одной из важнейших целей... Война, которую раньше вели только для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится промыслом».

Накопленные богатства и необходимость их защиты выдвигают на первое место в обществе военные дружины и военных вождей, которые, используя силу оружия, постепенно прибирают к своим рукам всю полноту власти в племени. И, естественно, дружинники получают львиную долю захваченной во время набегов добычи.

Так «железная революция» стимулировала дальнейшее развитие имущественного и общественного неравенства. И единый родовой коллектив окончательно

распадается на богатых и бедных, на вождей, дружинников и рядовых общинников.

Эти социальные катаклизмы в конечном итоге явились основой, на которой в I тысячелетии н. э. у многих народов Евразии складываются раннефеодальные государства. Таким образом, если для народов юга Евразии (греки, римляне, ассирийцы, персы и др.) эпоха раннего железа была временем расцвета и упадка рабовладельческого строя, то для племен лесной и лесостепной периферии Древнего мира это был период длительного и сложного пути к феодализму.

Контакты, в которые вступали греческие купцы с населением степей и лесов Восточной Европы, подогревали естественный интерес предприимчивых и любознательных греков к своим северным соседям, к их языку, обычаям, образу жизни. А сведения, звучавшие из уст путешественников — купцов или приезжавших под стены греческих колоний кочевников скифов, — так изобиловали самыми невероятными подробностями, что зерно истины терялось в груде заведомого вымысла. Как правило, эти рассказы никто не записывал, а хитрые купцы из года в год привозили к теплым понтийским берегам леденящие душу рассказы о северных странах, населенных кровожадными варварами, каждый раз дополняя их все новыми кошмарными «подробностями», дабы отбить охоту у других наведаться в эти богатые скотом, пушниной и сулящие богатые барыши места.

Поэтому-то так ценны для нас сведения о племенах и народах, обитавших к северу и востоку от Причерноморья, собранные и записанные талантливым писателем и ученым Древней Греции Геродотом Галикарнаским, жившим в V в. до н. э. Путешествуя по берегам двух морей, Средиземного и Черного, Геродот самым тщательным образом собирал и анализировал устные и письменные свидетельства о населяющих их народах. Конечно же, одному человеку не под силу собрать и осмыслить огромное количество фактов, поэтому многие сведения Геродот получал, как говорится, из третьих, а то и пятых рук. Таким образом, на страницах его «Истории» рядом с вполне реальными персами, египтянами и скифами появляются «одноглазые люди-аримаспы и стерегущие золото грифы». Правда, бу-

дучи объективным и лишенным каких-либо корыстных целей историком, Геродот в таких случаях специально оговаривается, отделяя правду от вымысла. На страницах геродотовской «Истории» перед нами раскрывается написанная яркими и сочными мазками этническая карта Причерноморья и степей Восточной Европы середины I тысячелетия до н. э.

Совершим и мы путешествие по этой карте, оседлав свое воображение и опираясь на крылья знаний. Прежде всего, мы промчимся мимо скифских кочевий с их ярким и самобытным жизненным укладом и грандиозными, наполненными золотом «царскими курганами», и сразу же за рекой Танаисом (Доном) окажемся в окружении других кочевых племен, чье имя также впервые стало известным из книги Геродота — савромат. Полученные Геродотом сведения о савроматах хотя и отрывочны, но интересны и ярки. Чего стоит хотя бы романтическая легенда о происхождении савроматов.

Воинственное племя женщин-воительниц — амазонок — вело войну с эллинами и потерпело поражение. Захваченные в плен амазонки, однако, не покорились и, будучи уже на кораблях, на пути в греческое рабство, в открытом море напали на свою стражу и перебили ее. Степные воительницы — они, конечно же, не могли управлять захваченным кораблем, а потому после долгих скитаний бурные волны Меотиды (Азовского моря) прибили их к берегам Скифии. Сойдя на берег и захватив табун лошадей, амазонки начинают грабеж скифских земель. Понадобилось некоторое время, прежде чем изумленные такой дерзостью скифы, привыкшие нападать сами, но никогда не выступавшие в роли жертв нападения, пришли в себя и вступили в бой с амазонками. И вот после первой же схватки выяснилось, что грозным противником скифов оказались прекрасные молодые женщины. Совершенно справедливо рассудив, что с таким необычным противником гораздо приятнее жить в мире, скифы заключают с амазонками перемирие, а вскоре часть скифских юношей женится на них. От этих браков и пошло племя савромат, усвоивших от своих родителей воинственность, кочевой образ жизни и, как пишет Геродот, искаженный скифский язык.

Ну что же, это, конечно, очень интересная, но, всего-навсего — только легенда. Нам же важно знать истинные факты о происхождении савроматов, поскольку, как показали многолетние исследования памятников савроматской культуры, территория их расселения была огромна и не менее огромным было их влияние на соседние племена и народы.

Согласно единодушному мнению ученых (археологов, лингвистов, антропологов), племена савроматского мира составляли северную группу ираноязычных народов и в этом смысле являлись действительно ближайшими родственниками скифов (вспомним замечание Геродота об испорченном скифском языке, на котором говорили савроматы). Но вот о происхождении савроматов как самостоятельного народа единой точки зрения у исследователей долгое время не существовало. И только после длительных и ожесточенных споров между археологами, занимающимися изучением скифских и савроматских древностей, выработалось мнение о том, что в начале I тысячелетия до н. э. в степях Северного Причерноморья племена срубной культуры в процессе перехода к железной индустрии дали начало культуре скифских племен, а к востоку от них, в степях Заволжья, Южного Приуралья и Южной Сибири на основе андроновской культуры складывается культура савроматских племен (К. Ф. Смирнов, Е. Е. Кузьмина, Н. Л. Членова и др.).

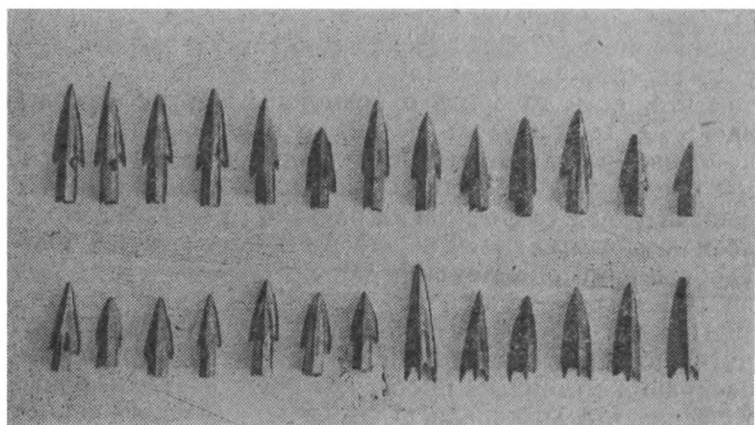
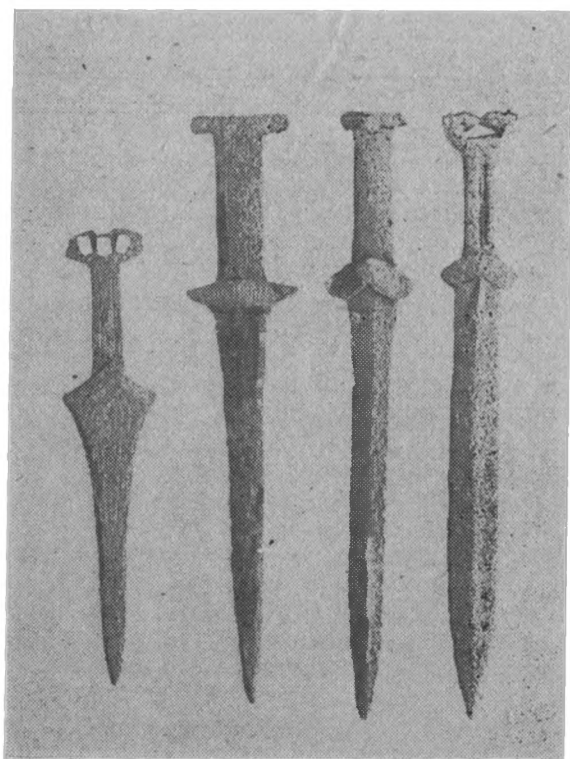
Многочисленные исследования советских археологов позволяют сейчас достаточно четко установить границы геродотовской «Савроматии». На юго-западе это р. Маныч, Калмыцкие степи и междуречье Кумы и Терека. Западная граница указана еще самим Геродотом — низовья Танаиса (Дона). Затем — вверх по правобережью реки Ра (Волги) вплоть до Самарской Луки. Горбят свои древние спины по берегам этих рек савроматские курганы, как точки пунктира на географической карте, указывая пути савроматских кочевий.

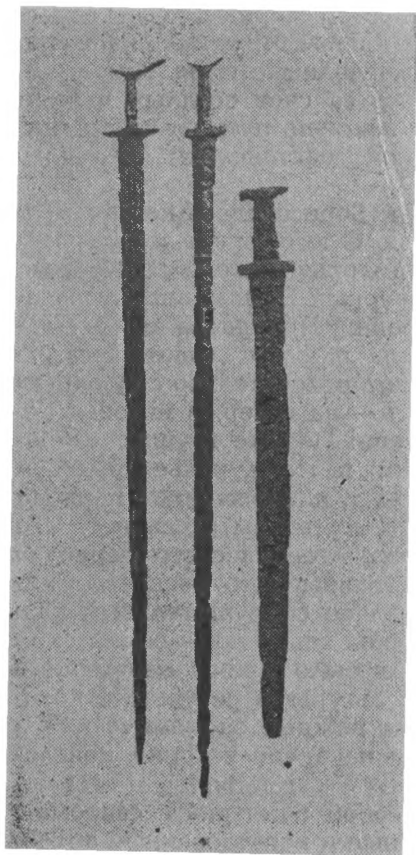
Долгое время неясными оставались северные рубежи расселения савроматских племен, т. к. не было найдено савроматских памятников в степях Башкирского Приуралья. Но вот в 1962 г. башкирский археолог М. Х. Садыкова обнаружила и исследовала первые савроматские погребения у с. Юрматы на территории

Башкирии, которые показали, что район верховьев р. Демы был хорошо известен савроматам. Затем, в конце 60-х годов, было открыто савроматское погребение в кургане у с. Чукраклы Чишминского района. Погребение, которое пока является самым северным памятником савромат. Это, конечно, было очень важное открытие, свидетельствующее о проникновении савромат далеко за пределы первоначально предполагаемой территории их расселения. Но вместе с Юрматинским оно показывало две, в своем роде диаметрально противоположные точки: верховье и низовье р. Демы, а потому можно было предполагать, что Чукраклинское погребение — явление случайное.

Мало ли какие причины могли забросить небольшую группу савромат далеко на север от родных кочевий? Но когда в конце 60-х—нач. 70-х годов были открыты еще несколько савроматских погребений в курганах у сел Чумарово и Уязыбашево на Средней Деме, — сомнения рассеялись. И сейчас мы можем уверенно говорить, что савроматские кочевья, захватывая Бельско-Демское междуречье, простирались далеко на север, вниз по Деме, вплоть до ее устья. Если мы нанесем на карту все известные на территории Башкирии савроматские курганы, а также отдельные случайные находки савроматского оружия, то увидим, что основной путь савроматских племен на север пролегал опять-таки по берегам этой реки. И сразу же возникает вопрос: а почему? Почему Дема была основной магистралью кочевников? Почему не Белая, во всех отношениях более крупная река? И кстати, почти на всем своем протяжении Дема и течет-то параллельно Белой, так что, если говорить о возможных путях кочевий вдоль Демы или вдоль Белой, то направление хода и конечный результат пути будут одни и те же. Но если мы представим себе образ жизни, бытовой и хозяйственный уклад савроматских племен, то поймем, что из всех возможных путей берега Демы являлись наиболее удобными и приемлемыми для кочевников в их продвижении на север.

Прежде всего читатель должен иметь в виду, что пути любых кочевников, в том числе и савромат, по бескрайним степным просторам были отнюдь не хаотическими, а диктовались двумя важными условиями:

Оружие сарматских воинов.

источниками корма для многочисленных стад, а также воды, столь необходимой и для людей, и для животных. Поэтому не случайно следы продвижения древних кочевников, отмеченные курганами, пролегают по берегам степных рек, где в поймах, даже в самые засушливые годы, когда выгорали и сохли травы, сохранились оазисы зеленой растительности, спасавшие скот от бескормицы.

Продвижение савромат на север именно по берегам Демы обуславливалось еще и тем, что ее русло прорезает восточные склоны Бугульминско-Белебеевской возвышенности, поросшие ковыльными травами — основным кормом для овечьих отар, составлявших подавляющее большинство савроматских стад.

А что касается реки Белой, то в савроматскую эпоху ее берега были заселены оседлыми охотничье-земледельческими племенами, которые, живя в хорошо укрепленных поселках — городищах, — могли не только успешно отбиваться от савромат, но и нападать на них. А потому продвижение кочевников вдоль Белой неизбежно должно было сопровождаться постоянными стычками с местным оседлым населением, от которого в первую очередь страдало основное имущество и богатство савромат — скот.

Что же влекло кочевников в северные, лесостепные районы? Во-первых, поиски новых богатых пастбищ, особенно необходимых в засушливые годы. Кроме того, возможность пожить за счет оседлых племен Прикамья и Приуралья. И, наконец, путь на север диктовался общей политической обстановкой Великого пояса степей в то время.

И действительно, путь к Борисфену (Днепру) преграждали скифские кочевья. С юго-запада и юга Савроматию ограничивали предгорья Северного Кавказа со своим населением и Северный Прикаспий. С востока и юго-востока, со стороны Приуралья и Средней Азии, савромат «подпирали» племена сако-массагетского мира. И, таким образом, относительно свободным оставался только один путь — на север, в низовья Белой, на границу леса и степи. Первые группы савроматских племен проникают в междуречье Белой и Демы не ранее V в. до н. э., т. к. памятников периода формирования савроматской культуры здесь нет. Это было время так называемого «героического периода» скифской истории, период наивысшего расцвета Скифии, за которым последовал ее сокрушительный разгром от рук прямых потомков савромат — сарматских племен. Следовательно, это было время наивысшего подъема и савроматской культуры, в результате которого в их среде происходят важные экономические и политические изменения, и на арене истории появляются новые кочевые племена — сарматы.

Что же представляют собой памятники савроматской культуры, обнаруженные и исследованные археологами на территории Башкирии? Напомним, что савроматы вели кочевой образ жизни, а потому мы тщетно стали бы искать следы савроматских поселений и стоянок. Зато многочисленные курганы, разбросанные по бескрайним просторам Волго-Донских и Приуральских степей, скрывают в своих недрах огромное количество материала, рассказывающего археологам о быте, нравах, общественном устройстве савроматских племен. По всей вероятности, смерть сородича, особенно, если он был полноправным воином и уважаемым человеком, была для савромат достаточно значительным событием, приковывавшем внимание всего рода. А соблюдение всех деталей похоронного ритуа-

Скульптурный портрет сарматской женщины, восстановленный по черепу из Сарокиишкинского могильника.

ла, за которым строго следили жрецы и старейшины, дабы не навлечь на род гнев и месть покойного, требовало колоссальных затрат физического труда и, следовательно, самого активного участия в похоронах всех членов рода. И, действительно, для своих покойников савроматы рыли просторные (подчас более 10 кв. м) глубокие могилы — склепы, стенки которых были ориентированы по сторонам света. Затем на дно, на подстилку из камыша, бересты или соломы, головой на запад, укладывалось тело умершего в полном «парадном» облачении. Если это был мужчина-воин, то при нем обязательно находился полный набор оружия, которым он пользовался при жизни: копье, короткий железный меч-акинак, лук, колчан с набором бронзовых стрел, узда для взнуздывания коня. Причем, чем богаче и знатнее был умерший, тем богаче и разнообразнее был сопровождающий его набор оружия.

Женщин же хоронили, надев на них все их украшения: ожерелья, серьги, перстни, браслеты, а рядом раскладывали предметы туалета: бронзовые или серебряные зеркала, глиняные сосуды — флакончики с мазями, благовониями и прочей «парфюмерией». Но довольно часто среди этих, сугубо женских, предметов в могилах савроматок археологи находят и наконечники стрел.

Затем тело обильно посыпали мелом (символ чистоты и новой жизни), ставили в могилу 1—2 глиняных горшка с жидкой пищей и клали вареную или жареную тушку барана или овцы, считая, что «на том свете» пища тоже необходима. Сверху над могилой сооружалась своеобразная крыша из жердей или бревен и над ней насыпался земляной курган диаметром от 10—15 до 30—40 и более м. Высота таких курганов и сейчас, по прошествии стольких веков, достигает 4—5 м, так что можно представить, какими грандиозными были эти надмогильные памятники в то время!

Иногда, видимо, в особых случаях савроматы хоронили своих соплеменников в деревянных срубках, установленных прямо на земле, как, например, в курганах у с. Ивановка Хайбуллинского района БАССР или в деревянных шатрах, как в могильнике у с. Альмухаметово Абзелиловского района.

Если мы сравним известные нам из описания Геродота и археологических раскопок черты материальной культуры и быта скифов и савромат, то обнаружим, что между ними было очень много общего. И те и другие вели кочевой образ жизни, разводили преимущественно лошадей и овец, вели постоянные войны с соседями, хоронили своих умерших под высокими курганными насыпями. Особенно бросается в глаза сходство савроматского и скифского оружия: бронзовые наконечники стрел с тремя шипами, благодаря которым стрелу невозможно было выдернуть из раны; короткие железные мечи-акинаки и кинжалы с рукоятками, украшенными изображениями голов хищных птиц и зверей; железные шлемы и панцири из железных пластин. Сходство вооружения предполагает и сходство боевой тактики. А из письменных источников древности нам известно, что скифы, начиная сражение, осыпали противника тучами остро жалящих стрел и забрасывали его копьями и дротиками, а затем, расстроив его боевые порядки, с обнаженными акинаками сходились в конном рукопашном бою. Подобную же тактику, наверняка, применяли и савроматы. Геродот оставил нам подробное описание скифских обычаев, многие из которых (обычай побратимства, кровной мести, сдирания скальпа с головы убитого врага, гадания по ивовым прутьям и другие), конечно же, были присущи и савроматским племенам.

Более сложным представляется археологам вопрос о религиозных верованиях савромат в том смысле, что религия древних племен являлась одновременно и мировоззрением, и идеологией, и отражением социальной структуры общества. И если, благодаря сведениям Геродота, мы не только поименно знаем всех скифских богов, но знаем, в каких случаях и какие им приносились жертвы, то для реконструкции религиозных представлений савроматских племен нам приходится обращаться только к данным археологии. Прежде всего, у савромат, как и у большинства кочевников древности, в большом почете было солнце. Поклонение солнцу и его порождению — огню вообще являлось характерной чертой обитателей индо-иранского мира (скифы, савроматы, саки, массагеты, племена Передней Азии), но особенно много символов солнечного культа находим

мы в савроматских могилах. Это — золотые, серебряные и бронзовые подвески в виде колес с четырьмя спицами, дисковидные полированные зеркала и даже (по мнению ряда ученых) сами круглые насыпи курганов. Непременным спутником солнечного культа являлся культ огня. В савроматских курганах часто встречаются следы поклонения огню: костры в могилах или на могильных перекрытиях, обожженные скелеты людей и каменные жертвенники (круглые или овальные блюда на высоких ножках, на которых сжигались жертвы богам).

Но особенно широкое распространение у савроматских племен, так же, впрочем, как и у скифов, получил магический культ священных животных.

В чем же заключается смысл и внешние проявления этого культа? Если мы разложим перед собой все то колоссальное количество найденных в савроматских курганах предметов вооружения, конской упряжи и украшений, то обнаружим, что абсолютное большинство их украшены всевозможными, сильно схематизированными изображениями хищных животных и птиц. Здесь и рукояти мечей и кинжалов, оформленные в виде птичьих лап с хищно расправленными когтями, и металлические бляхи от конских уздечек и костюмов с переплетенными в смертельной схватке телами хищников, и бронзовые псалии с оскаленными волчьими и тигриными мордами на концах. Подобные предметы, известные как у савромат, так и у скифов, в науке получили название «скифо-сарматский звериный стиль». Мастера, изготавливавшие предметы в зверином стиле, в изображениях животных и птиц выделяли те части их тела, которые указывают на силу, ловкость, стремительность и хищный облик своих персонажей. Поэтому на оружии, конском снаряжении и украшениях мы видим хищно напряженные длинные когти и тяжелые клювы птиц, оскаленные, с массивными клыками пасти волков, львов, пантер и тигров. Это своеобразие савроматского звериного стиля объясняется тем, что, по мысли древних мастеров, перенесение изображений голов и лап хищников на мечи и кинжалы передавало оружию мощь и неотразимость удара, а узда, украшен-

ная фигурами птиц, увеличивала быстроту и стремительность коня.

Сходство материальной культуры и мировоззрения савромат и скифов предполагает и большую близость их общественного устройства. О существовании у скифов власти царей или племенных вождей сообщают нам древние авторы. Об этом же мы узнаем и из раскопок скифских курганов на Украине и в Причерноморье. Там, в каменных склепах или просто в глубоких ямах археологи находят богатые золотыми украшениями и драгоценным оружием захоронения скифских «царей и цариц», которых в потусторонний мир сопровождали специально убитые слуги, рабы и воины-телохранители. Подобную картину выявили московские археологи при раскопках савроматского могильника на р. Илек в Оренбургской области. В курганной группе Пятимары были обнаружены богатые захоронения вождей, вместе с которыми погребены по два воина с оружием и верховыми конями. Эта находка позволила крупнейшему советскому археологу — исследователю савромато-сарматских древностей К. Ф. Смирнову сделать вывод о военно-демократическом строе савроматского общества, когда на фоне прежних родовых отношений начинает усиливаться общественное значение военных дружин и, соответственно, власть военных вождей, которые, по словам Ф. Энгельса, создавали «...частные объединения для ведения войны на свой страх и риск. Военный вождь, приобретший славу, собирал вокруг себя отряд жаждавших добычи молодых людей, обязанных ему личной верностью, как и он им». (Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства). Такие военные дружины, надо полагать, и совершали далекие походы на север, вдоль по р. Деме, проникая в Прикамье и на Нижнюю Белую.

Своеобразием общественного строя савроматских племен, отличающим их от скифов, являлась активная роль женщин в общественной жизни. Об этом писали еще историки древности: Геродот и Псевдо-Скилак, называвшие савромат женоуправляемыми и рассказывавшие об участии савроматских девушек и молодых женщин в военных походах и охоте.

У нас пока нет археологических данных, свидетельствующих о ведущей роли женщин в управлении савроматским обществом. Но, тем не менее, из всех савроматских могил, где вместе с погребенными были помещены предметы вооружения и конской сбруи, примерно каждая пятая содержала костяк женщины. Также женскими оказались почти все погребения, где были найдены предметы религиозного культа: амулеты, каменные алтари-жертвенники. Вероятно, многие савроматские женщины были не только воинами, но и выполняли жреческие обязанности. Как, например, погребенные в курганах у г. Сибая и с. Альмухаметово Абзелиловского района БАССР, где были найдены великолепные каменные жертвенники на высоких ножках, выполненных в виде голов медведей. Но это, в общем-то, и не удивительно, т. к. во все времена, и до савромат, и после у большинства европейских народов всевозможная магия и колдовство ассоциировались с женщинами. Вспомним усиленное преследование «ведьм» в средние века. А у скифов, например, даже существовала особая группа мужчин-энареев, которые, занимаясь гаданием и предсказаниями, носили обязательно женскую одежду и не выполняли никаких присущих воинам-мужчинам обязанностей.

Где-то в середине I тысячелетия до н. э. в савроматской среде происходят значительные социально-политические и экономические изменения. Начинается новый этап в истории племен ранних кочевников Поволжья и Приуралья, который, в конечном итоге, привел к формированию на базе приуральских кочевых племен нового племенного объединения — сарматов, среди археологов чаще всего называемых племенами «прохоровской культуры», по первому сарматскому могильнику, исследованному в начале XX века у деревни Прохоровки на границе Башкирии и Оренбургской области.

Сложение сарматской культуры еще во многом остается загадкой для археологов. С одной стороны, несомненно, что сарматы-прохоровцы являлись прямыми потомками савроматских племен.* Они также оставались кочевниками-скотоводами, разводили тех же животных: лошадей и овец. Также хоронили своих умерших под курганами, сопровождая их заупокойной пищей в глиняных сосудах и «необходимыми» на том

свете вещами: оружием, орудиями труда и украшениями.

Но, с другой стороны, в материальной культуре и погребальном обряде сармат-прохоровцев появляются совершенно новые черты, указывающие на необходимость поиска каких-то пришельцев, вторгшихся в савроматскую среду и наложивших свой определенный отпечаток на дальнейшее развитие ранних кочевников Поволжья и Приуралья.

Что же это за новые черты? Во-первых, круглодонные глиняные сосуды, сменившие плоскодонные савроматские горшки. Затем — более сложные конструкции могильных ям: если у савромат мы обычно встречаем простые прямоугольные могилы с отвесными стенками и ровным дном, перекрытые настилом, то у сармат очень часто в боковых стенках могильных ям рылись своеобразные ниши-подбой, куда ставились сосуды с заупокойной пищей и помещались другие сопровождающие покойного предметы. Далее, если савроматы клали своих умерших обычно вдоль могилы, то у сармат получает широкое распространение обычай класть тело покойного по диагонали большой могильной ямы. Ну и, наконец, исчезают многие виды савроматского оружия и украшений: короткие мечи-акинаки, наконечники стрел с шипами, начинает постепенно исчезать «звериный стиль». Поиски истоков всех этих изменений заставили археологов обратиться к культуре племен, являвшихся соседями савромат. В результате многолетней кропотливой работы, долгих поисков аналогий и многочисленных сравнений большинство современных исследователей сарматской проблемы склонились к мнению, что «...Прохоровская культура, — как писал в своей книге «Савроматы» К. Ф. Смирнов, — сложилась уже в начале IV в. до н. э. в степях Южного Приуралья из элементов, развившихся в недрах старой самаро-уральской группы савромат и принесенных пришельцами с востока — из Зауралья, Казахстана и, вероятно, степных районов Приуралья». Нужно сказать, что эта мысль, кажется, начинает подтверждаться материалом исследованных за последние годы на территории Башкирии сарматских курганов. Особенно показательны в этом отношении курганы, изученные уфимскими археологами в Баймакском (у городов Бай-

мак, Сибай, сел Темясово, Тавлыкаево, Бекешево); Абзелиловском (сел Альмухаметово, Муракаево) и Хайбуллинском (у с. Ивановка) районах БАССР. Именно в этих, расположенных по западной границе зауральской степи курганах, как считает один из ведущих археологов Башкирии А. Х. Пшеничнюк, наблюдается такое тесное переплетение основных элементов савроматской и последующей прохоровской культур, что невольно напрашивается вывод о Южном Зауралье как о центре сложения сарматских племен.

История сармат разделяется на три периода, каждый из которых носит название могильника, где впервые были встречены погребения, относящиеся к тому или иному периоду. Это уже упоминавшийся раннесарматский или прохоровский период, охватывавший время с IV по II вв. до н. э., затем среднесарматский или сусловский (II в. до н. э. — II в. н. э.). И, наконец, позднесарматский или сармато-аланский (II—IV вв. н. э.). В основу выделения этих периодов легли выявленные археологами изменения в материальной и духовной культуре сармат. О последнем, в частности, свидетельствуют изменения в погребальном обряде. Но мы, однако, не должны забывать, что за всеми этими осязаемыми фактами скрываются серьезные глубинные перемены в политической и социально-экономической жизни обитателей южноуральских степей.

Привлекая материал сарматских курганов с соседних территорий, используя свидетельства древних авторов, мы можем, пусть хотя бы и в общих чертах, представить события, происходившие в то далекое время в степях Южного Приуралья.

Если мы нанесем на карту Башкирии все известные сейчас сарматские курганы, то увидим, что, в отличие от савромат, сарматы-прохоровцы занимали обширную территорию, заходя далеко на север, вплоть до низовьев р. Белой. Причем, самые северные сарматские могильники, такие, как широко известные курганы у с. Бишунгарово в Кармаскалинском районе, а также курганы у с. Базитамак Илишевского района по количеству курганных насыпей, богатству и обилию находок показывают, что оставлены они были не просто случайно забредшими сюда группами сармат, а племенами, широко и прочно освоившими этот край. Ос-

новой район расселения сармат на территории Башкирии заключался в междуречье Белой и Демы и у восточных склонов Уральских гор. И только Базитамакский могильник указывает на проникновение сармат далеко на северо-запад. Нам нет нужды ломать голову над причинами, забросившими сармат непосредственно «под бок» к лесным оседлым племенам, давно и прочно утвердившимся на берегах Нижней Белой. Наверняка это была все та же неистребимая жажда наживы. Самое интересное, пожалуй, то, что мы можем проследить путь сармат на север и объяснить причину отсутствия следов их пребывания, например, в верховьях и среднем течении р. Сюнь или по левобережью р. Белой, т. е. в районах, которые, казалось бы, и являлись северной границей сарматских кочевий.

Перенесемся мысленно на 3 тысячи лет назад, в середину I тысячелетия до н. э., и представим себя пролетающими на огромной высоте над территорией современной Башкирии. Какая же картина раскинется перед нами? Узенькой, сверкающей на солнце змейкой вьется вниз Бела́я, огибая отроги Урала, покрытые непроницаемым ковром липовых, дубовых, кленовых лесов, среди которых тянутся к небу дымки костров с городищ оседлых земледельцев-охотников (о них у нас речь пойдет ниже). На севере, на территории современных Краснокамского, Калтасинского, Янаульского и Бураевского районов темно-зеленым массивом встают хвойные леса камско-бельского междуречья. А по берегам Демы, левобережью Белой, по холмам Бугульминско-Белебеевской возвышенности ветер гонит серебристые волны степного ковыля, среди которых пыльными ревущими массами перекатываются сарматские табуны и отары. Но в верховьях Сюни и Базы, в междуречье Чермасана и Кармасана на пути ковыльных волн двумя утесами вздымаются массивы широколиственных лесов. Между ними остается узкий, километров 50, коридор, сквозь который степь как бы последним броском устремляется на север, чтобы в междуречье Сюни и Чермасана резко оборваться на крутых террасах левого берега Белой. Вот по этому коридору, минуя таинственные, пугающие своим сумраком людей и коней дубравы, и устремлялись с гиканьем и свистом лавины степняков-сармат, чтобы в

конце своего пути, когда уже начинали трепетать, чуя пьянящий запах сочных пойменных трав и воды, ноздри коней, а задубелые под сухими степными ветрами лица всадников уже чувствовали ласковое влажное дыхание полноводной реки, со всего разлета наткнуться на оцетинившиеся копытами и натянутыми луками валы городищ, предусмотрительно возведенных оседлыми лесовиками на крутых прибельских откосах.

Интересно отметить, что основная масса раннесарматских («прохоровских») курганов, датированных не позже IV в. до н. э., сосредоточена в степях Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, тогда как сарматские погребения Центральной Башкирии относятся, как правило, ко времени не ранее III в. до н. э. Но ведь именно в это время, как свидетельствуют письменные и археологические источники, сарматы начинают усиленный натиск на Скифию, прежняя мощь которой была уже серьезно подорвана глубоким внутренним социально-политическим кризисом. Решающая война между скифами и сарматами произошла где-то в конце III в. до н. э., когда, как пишет Диодор Сицилийский, «...сарматы опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню».

Но что же явилось причиной столь быстрого усиления сармат и превращения их в грозную для соседей силу? Прежде всего — это был резкий скачок в организации и совершенствовании военного дела.

Начиная с III в. до н. э. сарматы усиленно вооружаются узкими и длинными (более 1 м) обоюдоострыми железными мечами, которыми удобнее всего было орудовать верхом на коне. Такими мечами были вооружены воины, похороненные в Старокиишкинских и Бишунгаровских курганах. Один такой же меч был найден на берегу р. Демы в районе станции Аксаково. Всадники с длинными мечами в руках составляли ударный кулак сарматского войска и во время боя рубились непосредственно с коня, врезаясь в боевые порядки противника. Подобную тактику, кстати, не применял ни один из соседних народов, в том числе и скифы. Это, видимо, и обеспечило сарматам быструю победу в войне с ними.

Но погребений с длинными мечами в сарматских могильниках известно не так уж и много. Гораздо чаще встречаются могилы (и среди них немало женских), где вместе с умершим были положены лук, колчан со стрелами, железный кинжал и иногда — копьё. Такие погребения, в частности, были исследованы при раскопках курганного могильника у дер. Уязыбашево в Миякинском районе.

Различие в наборе вооружения позволило ученым не только реконструировать структуру сарматского войска, но и сделать интересные выводы о строении сарматского общества в целом.

Основной костяк войска составляли всадники, вооруженные луком, а также мечом или кинжалом. На их долю приходилось завершение разгрома противника и рукопашные схватки. Начинала же бой легкая кавалерия, с приличного расстояния забрасывавшая врага дротиками и осыпавшая его тучами стрел. В ее рядах и сражались женщины-воительницы. Ударным кулаком, в задачу которого входило расстроить ряды противника и нанести сокрушительный удар по его пехоте, являлась тяжелая конница, т. е. всадники, вооруженные длинными мечами и тяжелыми копьями на длинных (3—4 м) древках. Имелось у сармат и пешее войско, но оно играло сугубо вспомогательную роль.

Сравнивая погребения с длинными мечами по богатству сопровождающих их украшений и других вещей, исследователи пришли к выводу, что эту часть войска составляли, как правило, родовая знать и ее дружинники.

Наличие погребений родовой знати у сармат свидетельствует об интенсивно развивающемся процессе разложения родового строя, особенно усилившегося на рубеже I тысячелетия н. э. Это нашло свое отражение в археологическом материале. Уже в могильниках средне-сарматского (сусловского) времени встречаются погребения, выполненные по сарматскому обряду, но чрезвычайно бедные вещами. Хотя в этих же самых могильниках совершены захоронения, по-прежнему сопровождавшиеся богатым набором оружия и украшений. Например, в кургане № 5 могильника у дер. Чумарово Стерлитамакского района БАССР были обнаружены три погребения среднесарматского периода,

два из которых были совершенно без вещей, а в третьем — остатки колчана с 44 железными стрелами и железный кинжал с навершием в виде кольца.

Подобную же картину наблюдали исследователи и при раскопках уже упоминавшегося Уязыбашевского могильника, где в кургане № 5 было найдено погребение с кинжалом и набором стрел, а в курганах № 6 и № 7 — только с глиняными горшками, куда, видимо, помещалась заупокойная пища.

В позднесарматский период количество бедных погребений и погребений совершенно без вещей становится еще больше. В этом отношении показателен позднесарматский могильник Бис-оба под Оренбургом, где погребения по богатству сопровождающих вещей резко делятся на две группы: очень богатые — с оружием, украшениями и очень бедные или совсем без вещей.

А историки древности, и, в частности, римский писатель Страбон прямо говорят о существовании у поздних сармат царской власти и даже называют имена сарматских царей: Абеак, Спадин и других, участвовавших со своими войсками в войнах против Рима. Конечно же, они не были царями в полном смысле этого слова, а скорее — вождями крупных племенных объединений, составлявших сарматский мир в начале I тысячелетия н. э. Римские авторы донесли до нас и названия этих племен: аорсы, язиги, роксоланы, сираки, аланы. Причем, характерно то, что в римских документах этой эпохи сарматские племена в основном упоминаются как причина непрекращающихся кровопролитных войн на восточных границах римской империи. Одновременно археологи отмечают резкое сокращение кочевого населения в Южном Приуралье. К настоящему времени в степях Башкирии, Оренбургской области и Западного Казахстана выявлено не более 120 погребений среднесарматского и позднесарматского периодов. Объясняется это, вероятнее всего, тем, что на рубеже и в начале нашей эры внимание основной массы кочевников было привлечено бурными политическими событиями на границах слабеющей римской империи. Уже в середине I в. н. э. язиги, роксоланы, а затем и аланы доходят до Дуная и начинают активно вторгаться в пределы империи. К началу II в. н. э. эпизодические набеги становятся уже системой, и в конце кон-

цов римляне были вынуждены, как сообщает римский историк Элий Спартиан, платить дань сарматам.

В это же время окончательно устанавливается господство сармат в степях Восточной Европы. Усиливается их проникновение в Крым и на Кавказ. Сарматы принимают самое активное участие в войне Боспорского царя Митридата против Рима, поддерживая царя.

Одновременно продолжают набегать в Закавказье и Малую Азию. Так, по сообщению римского историка Корнелия Тацита, в 35 г. н. э. сарматы вторгаются в Иберию, а в 72 г. н. э. аланы совершают опустошительный набег на Армению.

Накопленные на протяжении многих веков несметные богатства рабовладельческой Римской империи являлись несравненно более притягательным «магнитом», чем разбросанные по южной кромке лесов поселки и городища оседлых охотничье-земледельческих племен. Поэтому не случайно знойное безлюдье ковыльных холмов Южной Башкирии все реже и реже нарушалось небольшими отрядами длинноголовых всадников в кожаных, обшитых железными пластинами доспехах, внезапно появившихся и также внезапно и бесследно исчезавших в пляшущем мареве накаленного полуденным зноем воздуха. А на северной границе степи, на берегах Нижней Белой, сменялись поколения лесных охотников, для которых угроза набега кочевников давно уже перестала быть повседневной реальностью.

Жизнь в Приуральской степи замирает. Но ненадолго. Далеко на востоке, в степях Монголии и Забайкалья, к этому времени уже внезапно поднялась и рухнула кочевая империя гуннов, созданная шаньюем Модэ, талантливым полководцем и незаурядным политиком. Уже, подобно кругам от брошенного в воду камня, до южных отрогов Урала докатываются избежавшие китайского рабства отдельные отряды гуннов. На территории Башкирии, у с. Салихово в Стерлитамакском районе, несколько лет тому назад археологи обнаружили и исследовали курганы, с вещами и погребальным обрядом, очень близкими гуннским курганам Забайкалья (узкие вытянутые могилы, умершие положены в дощаные гробы, головой на северо-восток, насыпь кургана состоит из камней).

И, наконец, в конце IV в. н. э. огромные полчища гуннов, предводительствуемые легендарным ханом Атилой, внезапно с востока обрушиваются на поздне-сарматские племенные объединения и стирают их с лица земли, частью разбросав по глухим районам, как например, алан, которые были оттеснены из степей в горы Северного Кавказа, где они осели и впоследствии дали начало современным осетинам, а частью бесследно растворив их в своей среде. В истории Восточной Европы начинается новая эпоха, эпоха Великого переселения народов.

Путешествие в страну фиссагетов

Скифы и сарматы были далеко не единственным народом, о котором сообщает в своей книге «История» Геродот. Обратимся непосредственно к тексту этой книги: «За рекой Танаисом (так древние греки называли р. Дон. — В. И.) — уже не скифские края, но первые земельные владения там принадлежали савроматам (о них мы уже знаем). Савроматы занимают полосу земли к северу, начиная от впадины Меотийского озера (Азовского моря), на пятнадцать дней пути, где нет ни диких, ни саженых деревьев. Выше их обитают, владея вторым наделом, будины. Земля здесь покрыта густым лесом разной породы.

За будинами к северу сначала простирается пустыня на семь дней пути, а потом, далее на восток, живут фиссагеты — многочисленное и своеобразное племя. Живут они охотой. В тех же краях по соседству с ними обитают люди по имени иирки. Они также промышляют охотой... Над иирками к востоку живут другие скифские племена. Они освободились от ига царских скифов и заняли эту землю».

Итак — будины, фиссагеты и иирки. Что же это за племена, где они обитали и остались ли после них какие-нибудь материальные следы, кроме упоминания у Геродота? Из текста книги ясно, что все эти племена не были скифскими, и, следовательно, искать их нужно за пределами Скифии. Но где проходили границы скифских кочевий? Об этом сообщает сам Геродот: «Если принять скифию за четырехугольник, две стороны которого вытянуты к морю, то линия, идущая внутрь страны, по длине и ширине будет совершенно одина-

кова с приморской линией. Ибо от устья Истра (Дуная) до Борисфена (Днепра) 10 дней пути, а от Борисфена до озера Меотиды еще 10 дней и затем от моря внутрь страны до меланхленов, живущих выше скифов, 20 дней пути. Дневной переход я принимаю в 200 стадий (греческая стадия = 177,6 м. — В. И.). Таким образом, поперечные стороны четырехугольника Скифии составляют 4000 стадий, а продольные, идущие внутрь материка, — еще столько же. Такова величина этой области». Дневной переход в 200 стадий (Геродот имеет в виду, конечно же, передвижение на коне) в переводе на нашу метрическую систему равен 35,4 км. Следовательно, за 20 дней пути всадник, отправившийся на север от берегов Меотийского озера, достигал северных пределов Скифии, проходивших где-то на широте современных городов Липецка и Тамбова. А далее на север начиналась уже территория будинов, «покрытая густым лесом разной породы».

Интересно, что в этих краях, в бассейне рек Суры и Мокши, на территории Мордовской АССР, Пензенской и Рязанской областей археологами выявлены группы памятников, объединенных в городецкую культуру, по исследованному еще до революции Городецкому городищу у с. Спас-Рязанский на Оке. В настоящее время поселения и могильники городецкой культуры обнаружены и изучены на территории Куйбышевской, Саратовской, Горьковской областей, в Чувашской и Татарской АССР. Отличительной чертой этой культуры является глиняная посуда, поверхность которой сплошь покрыта оттисками рогожи. Возможно, что носители городецкой культуры и являлись будинами Геродота — «...большое и многочисленное племя; у всех их светлоголубые глаза и рыжие волосы». Двигаясь далее на север от верховьев р. Суры и Мокши (где обнаружено наибольшее число городецких памятников) и преодолев 240—260 км (7—8 дней пути), путешественник достигал берегов р. Волги. Интересно отметить, что путь его пролегал по южным районам современных Горьковской области и Чувашской АССР, где памятников городецкой культуры пока не выявлено. Не есть ли это та самая «пустыня», которая, по Геродоту, простирается «за будинами к северу... на семь дней пути»? А повернув на восток, в низовьях Камы и Белой, мы с

нашим воображаемым путешественником попадаем в область расселения фиссагетов, «многочисленного и своеобразного племени».

В 1858 г. чиновник П. Алабин, человек большой эрудиции и страстный любитель древности, ставший впоследствии городским головой г. Самары, и краевед И. В. Шишкин раскопали более 50 погребений на могильнике у с. Ананьино на р. Каме. В узких прямоугольных могилах, на спине, ногами в сторону реки, лежали скелеты умерших, вместе с которыми были найдены бронзовые наконечники стрел и копий, железные ножи, бронзовые топоры-кельты, многочисленные украшения и глиняные круглодонные сосуды с орнаментом, выполненным оттисками крученого шнура по сырой еще глине.

Так было положено начало изучению одной из ярких и интересных археологических культур Восточной Европы — ананьинской, памятники которой занимают огромную территорию от Уральских гор на востоке до р. Ветлуги на западе. По мнению большинства археологов, именно ананьинские племена и являлись известными скифам и Геродоту фиссагетами. Самые ранние памятники ананьинской культуры, обнаруженные на берегах Камы, Нижней Белой, в Марийском и Казанском Поволжье, датируются VIII—VII вв. до н. э., а самые поздние — IV—III вв. до н. э. Но поскольку мы совершаем наше воображаемое путешествие как современники Геродота, то для нас особенно интересными являются события, происходившие в лесах Прикамья и Башкирского Приуралья в середине I тысячелетия до н. э.

Время, надо сказать, было очень и очень беспокойным. Где-то в степях Южной Скифии в 516 г. до н. э. разразилась «странная» скифо-персидская война, в результате которой войска скифского царя Иданфирса и их союзники: савроматы, гелоны, будины заманили армию персидского царя Дария в засушливые безводные районы степи и фактически без единого крупного сражения настолько измотали персов, что те были вынуждены поспешно убраться восвояси. Несмотря на свои незначительные, на общеисторическом фоне, масштабы, скифо-персидская война, видимо, своим эхом прокатилась по отдаленным окраинам степи и всколых-

нула обитавшие там племена. И не случайно в VI в до н. э. внезапно прекращается жизнь на ананьинских поселениях Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья и перестают совершаться захоронения на их могильниках. А на берегах реки Белой, также внезапно, вместо небольших неукрепленных поселков оседлых охотников-скотоводов — носителей курмантауской культуры, появляются поселки и городища с материалом типично волго-камского ананьинского облика.

Если учесть, что сравнение археологического материала с памятников местного курмантауского поселения и более поздних, возникших не ранее середины I тысячелетия до н. э., не обнаруживает между ними ни малейшего сходства, то перед нами раскрывается сложная и во многом еще загадочная картина внезапного переселения волго-камских (фиссагетских) племен на восток, вверх по Каме и Белой. Волна пришельцев, более многочисленных и, конечно же, более сильных, вначале, по-видимому, захлестнула небольшие разрозненные родовые поселки курмантаусцев на Нижней и Средней Белой и поглотила их. Возможно, часть курмантаусцев, оттесненная в глухие леса Южного Урала, еще и сохраняла некоторое время свою культурную самостоятельность, но сколько-нибудь заметной роли в истории края они уже играть не могли. Но и пришельцам очень скоро также пришлось «потесниться», так как с севера, из лесов Верхнего и Среднего Прикамья, они получили довольно ощутимый толчок от более многочисленных лесных обитателей Среднего Приуралья, которые в меньшей степени были заинтересованы занять плодородные поймы и богатые леса и луга камско-бельского междуречья.

Таким образом, в середине V в. до н. э., когда на берегах лазурного Евксинского Понта (Черного моря) Геродот со слов очевидцев описывал далекие северные земли, здесь, в этих землях, происходит раздел территории между племенами, в результате которого этническая карта Волго-Камья и Приуралья существенным образом меняется. Вероятно, под влиянием событий скифо-персидской войны, основная масса фиссагетов-ананьинцев Среднего Поволжья и Нижней Камы переселяется вверх по Каме на лесные берега Среднего течения р. Белой. В то же самое время, вниз по Каме,

из лесов Верхнего и Среднего Прикамья, спускаются многочисленные племена таежных охотников-скотоводов и заселяют высокие террасы правого берега Камы, на территории современной Удмуртской АССР, низовья Вятки и берега р. Белой, поднимаясь вверх по ее течению до современного города Бирска. О причинах, заставивших лесные племена переселяться на юг, в лесостепь, мы пока можем только гадать. Не исключено, что это были какие-то неблагоприятные климатические изменения на севере Восточной Европы, когда жить в лесах стало гораздо труднее и пришлось, невзирая на соседей, переселяться в более благоприятные и плодородные районы.

Вообще-то это предположение не кажется столь уж невероятным. Подобную картину — массовое переселение таежных племен на юг, в лесостепь — выявили археологи, изучающие историю населения Зауралья и Западной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа (М. Ф. Косарев). И там это переселение было связано с резким увлажнением лесов, когда разбухали от избытка влаги лесные реки и речушки, превращались в болота богатые рыбой и дичью озера, а на смену здоровым и полезным для человека еловым и сосновым борам приходят корявые осинники. На высоких крутых мысах речных берегов ананьинцы-фиссагеты возводили свои укрепленные поселки-городища. Причем, места для поселений выбирались с таким расчетом, чтобы оттуда открывался хороший обзор речной долины и прилегающих лугов и лесов. А сама территория будущего городища должна была быть с трех сторон защищена крутыми склонами оврагов, руслом реки или болотом. И тогда достаточно было с четвертой, «напольной» стороны, вырыть поперек мыса ров и насыпать земляной вал, и укрепление было готово. Именно по такому принципу сооружались ананьинские городища, следы которых и по сей день видны у сел Новокабаново, Старонагаево (Тратау), Старая Мушта Краснокамского района, на окраине села Чики-Аначево и Гремячий Ключ Илишевского района, около р. п. Дюртюли и г. Бирска и в других местах. Характерно, что ананьинцы сооружали свои укрепления без каких-либо деревянных конструкций, то есть, подожди мы 2500 лет назад к любому из перечисленных горо-

дищ, не увидели бы на валах грозных бревенчатых частоколов. Зато в глаза сразу бросались, на фоне зеленой травы, выросшей на склонах укреплений, ярко-рыжая полоса обожженной глины, лежащая на вершине вала. Конечно же, такая глиняная «нашлепка» не играла никакой оборонительной роли, а служила средством укрепления вершины вала от дождей и ветров. А чтобы вал не «расползлся» у основания, его укрепляли плетнем или жердями, как это было прослежено на Новокабановском городище.

На своих городищах ананьинцы сооружали большие деревянные наземные дома, в которых могло жить сразу несколько семей. Время бесследно стерло эти постройки, и только остатки очагов и следы ям от столбов, подпиравших стены и крышу, позволяют определить местоположение и конструкцию этих жилищ.

Между археологами долгое время велись споры о назначении ананьинских городищ. Одни считали, что это были укрепленные пункты, где хранилась приготовленная на обмен с соседними племенами пушнина. Другие, что это были крепости, куда в случае опасности укрывались сородичи, в обычное время жившие в открытых поселках вокруг городища. Второе предположение кажется более вероятным, но не абсолютным.

Дело в том, что при большем количестве обнаруженных и исследованных в низовьях р. Белой и на других территориях ананьинских городищ, нам известно очень мало неукрепленных поселков (селищ) этих племен. А такого селища, которое точно находилось бы рядом с каким-то городищем, неизвестно вообще. Кроме того, если мы рассмотрим городища ананьинских племен с точки зрения их оборонительной мощности, то впечатление у нас сложится самое плачевное. Во-первых, земляные валы без частоколов, как бы внушительно они ни выглядели, представляют серьезное препятствие для конного войска, поскольку не дают ему с налета ворваться на городище, а пехотинцу не понадобится даже никаких дополнительных сооружений, чтобы преодолеть сухой ров и взобраться по склону вала на его вершину. Во-вторых, склоны мысов, которые, как правило, тоже не были ничем дополнительно защищены, опять-таки являлись серьезной преградой

только для всадника. И, наконец, ананьинские городища, в том виде, как они реконструируются в процессе раскопок, оказываются совершенно не приспособленными для правильной осады: их можно легко отрезать от воды; а, ведя непрерывный обстрел из луков, можно «сшибать» защитников с вершины вала и тем самым обеспечить успех штурма. То есть, рассматривать ананьинские городища только как крепости на случай набега враждебного соседа, будет едва ли правильным. Таким образом, учитывая все эти факты (помимо анализа оборонительных сооружений, добавим следы жилищ и обилие находок в культурном слое, указывающие на постоянное и длительное обитание людей), мы можем сделать следующие выводы: городища ананьинских племен были не столько временными крепостями — убежищами, но постоянными поселками, в которых люди жили и занимались хозяйством очень длительное время, во время набегов враждебных соседей ананьинцы не только отсиживались за валами своих городищ, но применяли более активные меры защиты, о которых мы будем говорить ниже.

Читателю, конечно, небезынтересно было бы узнать, сколько же человек могло жить на таких городищах? Путем некоторых демографических расчетов и этнографических параллелей археологи установили, что численность родов, обитавших на территории Прикамья, составляла 50—60 человек для одного рода. А для жизни одного рода необходима площадь порядка 3000 кв. м. Площадь ананьинских городищ Нижней Белой составляет в среднем 2000 (Трикольское) — 2500 кв. м (Новокабановское), так что на каждом из них могло жить не более одного ананьинского рода. Но и не менее, так как сооружение земляных укреплений, как бы просты по конструкции они ни были, требовало усилий большого коллектива людей. Возьмем для примера оборонительные сооружения Новокабановского городища. В результате раскопок мы установили, что объем земли, вынутой при рытье рва на этом городище, составлял 135 куб. м. В лаборатории ленинградского ученого С. А. Семенова опытным путем было определено, что скорость работы одного древнего землекопа (без использования металлических лопат) составляла

0,15 куб. м в час. Следовательно, чтобы выкопать такой ров, одному человеку пришлось бы работать 900 часов или при 10-часовом рабочем дне — 3 месяца. А если предположить, что примерно половину рода составляли вполне трудоспособные люди, то и эти 20—25 человек рыли ров в течение 4—5 дней. Объем же насыпи вала Новокабановского городища равен 2355 куб. м. По данным древневавилонских письменных источников, дневная норма выработки одного землекопа составляла 3 куб. м земли. Значит, новокабановский вал 20 человек могли насыпать за 39 дней. Для одного, пусть даже значительного, родового коллектива это — серьезный срок. Поэтому, вполне вероятно, что при сооружении городищ один род приглашал на помощь соседей-соплеменников.

Живя среди лесов, по берегам полноводных рек с широкими плодородными поймами, ананьинцы занимались самыми различными видами хозяйства. Известны находки земледельческих орудий: мотыг, серпов, каменных зернотерок. На Новокабановском городище обнаружен полураздавленный сосуд, в котором хранились зерна ржи. Но ведущую роль в хозяйстве играло все-таки скотоводство. Кости домашних и диких животных в огромном количестве встречены при раскопках ананьинских городищ. И не случайно в дореволюционной археологической литературе все эти памятники назывались «костеносными городищами».

Как определили специалисты-палеозоологи, ананьинцы разводили преимущественно свиней, лошадей и крупный рогатый скот. Причем, характерно, что низкорослая (высота холки не более 140 см) и, видимо, очень выносливая ананьинская лошадь использовалась не только как тягловое и верховое животное, но и шла в пищу. Кости, найденные на городищах, принадлежали молодым лошадям, не старше 2—3 лет. Своих свиней ананьинцы летом пасли по опушкам дубрав, благо желудей там было более чем достаточно, а на зиму большую часть животных забивали. Поэтому не случайно найденные на городищах кости свиней принадлежат, как правило, 7—8-месячным животным. Коровы и вообще крупный рогатый скот у ананьинских племен Прикамья были довольно мелкими и малопродуктивными. Впрочем, учитывая относительно суровый кли-

мат, зимнюю бескормицу и отсутствие стойлового содержания, большего от такой «изнеженной» скотины, как корова, нельзя было и требовать.

Занимались ананьинцы и рыболовством, на что указывают находки рыбьих позвонков, чешуи, костяных гарпунов и медных рыболовных крючков (причем, довольно солидных размеров), но все-таки второе место после скотоводства в их хозяйстве занимала охота. Об этом свидетельствуют многочисленные кости диких животных.

Характерно, что чем дальше на север, вверх по Каме, тем удельный вес охоты в хозяйстве ананьинцев выше. Так, на городищах Верхней и Средней Камы кости диких животных составляют 30—40 процентов, тогда как на поселениях Нижней Камы и Белой — только 15—16 процентов.

Специально проведенный анализ костей диких животных по их видовому составу показал, что охотились ананьинцы в основном с целью добычи пушнины. Кости пушных зверей (лисицы, зайца, бобра, куницы, медведя) в среднем составляют 66 процентов костей всех диких животных на городищах Верхнего и Среднего Прикамья, а на городищах Нижнего Прикамья и Нижней Белой — 64 процента. Причем, и там, и здесь на первом месте в промысле стоят бобр и медведь.

Били ананьинцы также лося, косулю, северного оленя (который водился в то время в Прикамских лесах), кабана.

Однако массовая добыча пушнины отнюдь не означала, что сами ананьинцы щеголяли в бобровых и медвежьих шубах. По единодушному мнению ученых, львиная доля «мягкой рухляди» шла на обмен с южными соседями-сарматами и скифами, падкими на роскошь и лишенными возможности самим добывать пушнину. В обмен на меха ананьинцы получали от кочевников оружие, конскую упряжь, богато украшенную бронзой и золотом, украшения, в больших количествах встреченные в могильниках ананьинских племен. Через скифов и сармат, вероятно, попадали в Прикамье и изделия кавказских мастеров: бронзовые боевые топоры, украшения поясов и женского костюма. Подобные вещи поступают к ананьинцам и от кочевников Казахстана и Средней Азии. Вероятно, что пушнина

была основным товаром, предлагаемым ананьинцами в обмен на металлургическое сырье: медь и бронзу. Дело в том, что на поселениях Волго-Камья не обнаружено следов металлургии (добычи и плавки меди), но в изобилии встречаются следы металлообработки (изготовление изделий из медных и бронзовых слитков): тигли (специальные сосуды, в которых плавился металл) и литейные формы. Обломки глиняных тиглей с каплями застывшего металла на стенках были найдены, в частности, на нижнебельских городищах: Аначевском, Новокабановском, Трикольском, а на городище Тратау был обнаружен также обломок каменной формы для отливки топора-кельта. А проведенный в последние годы московскими и казанскими археологами спектральный анализ ананьинских медных и бронзовых вещей показал, что основная их масса изготовлена из металла, добытого в рудниках Урала и более восточных территорий, т. е. за пределами района расселения ананьинских племён. Главными посредниками в импорте металлургического сырья для прикамских ананьинцев были, по всей вероятности, потомки средневожских фиссагетов, пришедших, как мы уже говорили, на берега р. Белой в середине I тысячелетия до н. э. В их руках находился основной водный путь с Камы на Урал — среднее течение р. Белой, и ананьинцам волей-неволей приходилось совершать частые экспедиции к своим восточным соседям. Следками таких «визитов» являются отдельные находки обломков ананьинских сосудов, украшенных характерным «веревочным» орнаментом, на городищах правобережья Средней Белой: Охлебининском, в устье р. Сим, Касьяновском, Михайловском, Воскресенском в Гафурийском районе БАССР. Тесные экономические связи между племенами подкреплялись и брачными узами, когда члены одного племени искали невест у своих соседей.

Однако общая социально-политическая обстановка на востоке Европы в то время была такова, что не способствовала поддержанию длительного и прочного мира между племенами. Разложение родовых отношений, распад родовых коллективов на богатых и бедных, выделение внутри общества родовой и племенной знати (археологически это прослеживается наличием в одном и том же могильнике захоронений богатых оружием

и украшениями и совершенно «пустых»), накопление внутри рода богатств, которые необходимо было защищать от посягательства не только пришельцев извне, но и своих соплеменников — все это приводило к тому, что военные столкновения становились нормой жизни, а каждый общинник не расставался с оружием ни при жизни, ни после смерти.

Поэтому не случайно при раскопках могильников ананьинской культуры почти в каждом третьем погребении мы встречаем оружие: бронзовые или железные наконечники стрел, копий, топоры-кельты, кинжалы. Наиболее распространенным оружием ананьинцев был бронзовый топор-кельт. Более половины всех погребений воинов были совершены с кельтами. Затем — луки с бронзовыми и железными стрелами и копьа.

В основном ананьинское войско было пешее. Конными, судя по материалу погребений, сражались только военные предводители. Основной ударной силой ананьинского войска являлись копьеносцы, дополнительно вооруженные луком со стрелами или кельтом. Судя по размерам наконечников, ананьинские копьа были довольно легкими, и их можно было метать как дротики.

Лучники были вооружены небольшими луками, так называемого «скифского типа». Представление о форме такого лука дают найденные украшения, изображающие это оружие. Щиты и вообще доспехи ананьинцами почти не употреблялись, т. к. находки их весьма и весьма редки. В ближайшей рукопашной схватке бились кинжалами, бронзовыми или железными секирами и чеканами и конечно же — кельтами. История военного дела показывает, что пешее войско, если оно вооружено копьями, в чистом поле может успешно отбиваться от конницы противника, а, опираясь на какие-либо укрепления, и наносить ей довольно ощутимые удары.

Судя по тому, что почти треть всех ананьинских воинских погребений содержит копьа, а оружие рукопашной схватки (кинжалы, секиры) встречается весьма редко, мы вправе предположить, что в целом ананьинское войско «ориентировалось» на отражение конницы. Конная же атака, как известно, была излюбленным видом боя кочевников-степняков.

Попытаемся представить себе картину возможной схватки между сарматами и ананьинцами. Совершая свои набеги на южные окраины оседлых племен, кочевники, естественно, придерживались открытых степных дорог. А потому, продвигаясь на север, неизбежно выходили в угол, образованный реками Сюнь и Белая. Перед их взором, с высоких круч левого берега Белой, открывалась роскошная панорама правобережных лесных пойм, густо заселенных ананьинцами. Великолепный обзор позволял заметить объекты удара и удобные пути подхода к ним. Высокий левый берег с пологими спусками давал возможность организовать безопасную переправу, и тогда... И тогда, возможно, многие вопросы, связанные с расселением ананьинцев по территории Башкирского Приуралья, перед нами сейчас не стояли бы, так как ни один здравомыслящий ананьинец просто-напросто не рискнул бы селиться в таком беспокойном и опасном месте.

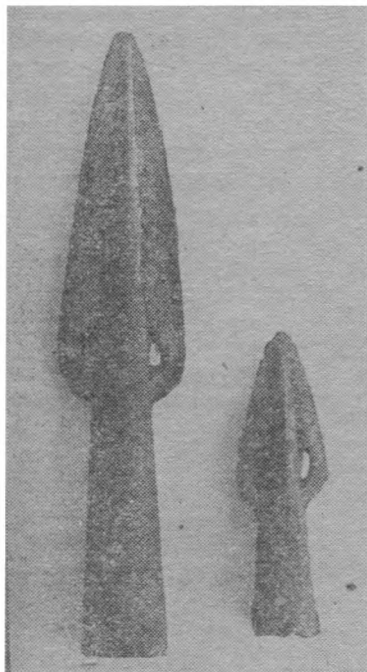
Но дело в том, что нижнебельские ананьинцы прекрасно сознавали «сарматоопасность» междуречья Сюни и Базы, а потому укрепили этот участок левого берега Белой цепью городищ, обращенных своими рвами и валами в сторону степи. На правом фланге этой системы, в устье Сюни, высится цитадель городища Петертау (Юлдашевского), на левом — тройная линия укреплений городища на окраине д. Трикол. Изгиб берега здесь такой, что вся эта система городищ великолепно просматривается из конца в конец даже невооруженным глазом. И сигнал, поданный светом или дымом с Трикольского, Аначевского или любого другого городища, моментально становился известен не только по всей системе, но и далеко за Белой.

По цепочке: с городища Петертау легко было просигнализировать на городище Какрыкуль (7 км по прямой) и городище Ирмеш, на территории современной ТАССР (12 км). А затем одновременно по обоим берегам: Какры-Куль — Кыз-Калатау—Тратау—Новокабановское — по правому берегу; Ирмяш — Ильчибай — Такталачук—Тат. Ямалы—Дербешки — по левому. А там уже Кама и густо разбросанные по ее высокому правому берегу поселения, обитатели которых уже знают, что кочевники вновь пошли в «буйный набег» и находятся от них на расстоянии суточного перехода.

Натыкаясь на укрепления ананьинских левобережных городищ, сарматская конница теряла сразу несколько своих преимуществ. Во-первых, рассчитанный на бой в чистом поле удар конных копейщиков оказывался бесполезным против пехоты, укрывавшейся за рвами и валами. Во-вторых, терялся фактор внезапности, и даже если кочевникам и удавалось прорваться сквозь левобережные городища, то все равно дальнейшая экспедиция теряла смысл, т. к. предупрежденные об опасности обитатели правобережья, вместе со всем своим добром и стадами скота, скрывались в глухих лесных тайниках.

А в это время на городищах ананьинские копейщики и лучники, прикрываясь земляными валами и деревянными, обтянутыми кожей, щитами (остатки нескольких таких щитов были обнаружены археологами при раскопках Старшего Ахмыловского могильника в Марийской АССР) успешно отбивали атаки легкой сарматской кавалерии. Почему успешно? Прежде всего потому, что ни на одном из исследованных ананьинских городищ бельского левобережья мы не находим следов военного погрома: сгоревших жилищ, брошенной в панике утвари, разрушенных укреплений и т. д. Кроме того, набеги сармат на ананьинцев, конечно же, не были такими частыми и опустошительными, как, например, набеги печенегов или половцев на древних русичей. Поэтому у ананьинцев Нижней Белой и Средней Камы не было повседневной заботы для обороны своих поселений. Этим можно объяснить слабость ананьинских укреплений. Например, Аначевское городище было укреплено только одним валом, перед которым не имелось рва, а рвы Трикольского (Гремячий Ключ) городища представляли собой узкие и мелкие канавки, совершенно не отвечающие нашим представлениям о подобного рода укреплениях. Исследователи неоднократно отмечали использование самими же ананьинцами своих рвов в качестве ямы для отбросов.

В целом складывается впечатление, что жизнь обитателей бассейна Нижней Белой и Прикамья во второй половине I тысячелетия до н. э. протекала сравнительно мирно. В частности, об этом говорят и материалы ананьинских могильников. Правда, все известные в настоящее время позднеананьинские могильники рас-

Бронзовые наконечники копий и топоры-кельты, найденные в ананьинских погребениях.

положены в глубине территории ананьинских племен. На правом берегу Камы: Зуевский в Удмуртской АССР, Ананьинский в Татарии или Таш-Елга в Янаульском районе БАССР. Видимо, свято чтя могилы предков, ананьинцы не рисковали погребать своих сородичей в непосредственной близости от опасной степи, где они могли быть поруганы врагом,

Своих умерших соплеменников ананьинцы «на тот свет» сопровождали их личными вещами: женщин — украшениями, мужчин-воинов — оружием. Среди мужских погребений больше всего могил с бронзовыми топорами-кельтами. Хотя кельт, конечно же, являлся оружием ближнего боя, но большинство археологов все-таки считают его оружием лесного земледельца, одинаково пригодным как для расчистки леса под пашню, так и в качестве мотыги.

Но вместе с тем более 40 процентов умерших в позднеананьинское время мужчин были похоронены с настоящим боевым оружием: копьями с бронзовыми

Бронзовая секира, найденная в ананьинском погребении.

и железными наконечниками, кинжалами, луками и стрелами и т. д. И вот набор этого оружия, его количественный и качественный анализ, а также размещение воинских могил по территории могильников говорят о том, что у поздних ананьинцев Прикамья и Нижней Белой не было какой-то особой военной иерархии, когда воины-профессионалы и их вожди выделяются из основной массы рядовых общинников. Однако раскопки археологических памятников более поздних времен показывают, что обосновавшиеся воины-дружинники начинают жить обособленно от остальных сородичей, богаче, и это их особое положение подчеркивается также и тем, что их хоронят или в особых могильниках, или в общих могилах, но на особо отведенных участках. В Прикамье такие могильники известны в I

тысячелетии н. э. (об этом свидетельствуют исследованные В. Ф. Генингом Суворовский могильник в Удмуртской АССР и Тураевский в Татарии, где были похоронены профессиональные воины с богатыми наборами оружия, доспехов, со своими боевыми конями).

Реконструкция костюма мужчины-ананьинца по материалам Аозинского могильника в Марийской АССР (по А. Х. Халикову).

Ничего подобного у поздних ананьинцев мы не наблюдаем. Бедные и невыразительные наборы оружия в могилах, единичные захоронения воинов в полном вооружении (копье, лук со стрелами, кинжал или топор-кельт), преобладание могил, где лежит или одно копье, или несколько наконечников стрел и, наконец, абсолютное отсутствие какого-либо внешнего выделения погребений воинов — вот характерная черта ананьинских могильников второй половины I тысячелетия до н. э. в Прикамье.

Таким образом, говоря современным языком, сравнительно стабильная внешнеполитическая обстановка, сложившаяся в Прикамье и бассейне Нижней Белой во второй половине I тысячелетия до н. э. позволила ананьинцам отказаться от постоянных активных военных приготовлений, требующих огромных материальных и моральных усилий. А самое главное — не было нужды содержать постоянные военные дружины. Да и сам образ жизни ананьинцев, когда каждому роду приходилось напрягать максимум усилий для обеспечения себя всем необходимым и для поддержания традиционных торговых отношений со степным югом, исключал такую роскошь, как содержание профессиональных дружин. Внутренние конфликты между родами разрешались «домашними средствами» — кольями и дубьем, а когда над горизонтом загоралось пламя большой межплеменной войны, тогда каждый здоровый мужчина становился воином. И вот тогда-то на первое место в обществе выдвигалась фигура военного родового и племенного вождя, в мирные дни уступавшего пальму первенства родовым и племенным старейшинам. Такие вожди были в каждом обществе, находящемся на стадии военной демократии. В частности, мы находим их у индейцев Северной Америки, по уровню своего экономического и социального развития наиболее близко стоявшим к ананьинцам Прикамья. В обычные дни военный вождь северо-американских индейцев, кроме естественных признаков власти: силы, роста, а по возможности и тучности, мало отличался от остальных своих сородичей. Зато на «тропе войны» индейский вождь становился полновластным хозяином своего племени. Это подчеркивалось и его внешним видом: самым богатым нарядом, лучшим оружием, специальным отрядом телохранителей, кстати,

тоже пользующихся особыми привилегиями. Вполне естественно, что вожди стремились как можно дольше сохранить это свое особое положение, постепенно прибирая к своим рукам власть. Причем, индейские предания донесли до нас, что именно в период длительных межплеменных войн вожди племени сенека-ирокезов начинают постепенно отбирать власть из рук родовых старейшин.

Мы не знаем, как происходил процесс узурпации власти военными вождями у ананьинских племен Прикамья и Приуралья. Нам только известно, что в ананьинских могильниках есть погребения явно не простых общинников. Это — несколько богатых оружием погребений Старшего Ахмыловского могильника в Марийской АССР, где были найдены бронзовые кельты, наконечники копий, короткие мечи-акинаки, принадлежности конской сбруи и украшения костюма. Это также исследованный казанским археологом профессором А. Х. Халиковым I Новомордовский могильник в Татарии, на котором были найдены большие каменные стелы с великолепными изображениями оружия: кинжалов и боевых топоров. Две подобные стелы, только уже с изображениями самих ананьинских воинов, были установлены над погребениями Ананьинского могильника на Каме. В этом же могильнике найдены три могилы с богатым набором оружия, обложенными камнем стенками и деревянным настилом над ямой.

Вне всякого сомнения, в этих могилах были похоронены какие-то знатные воины или военные вожди. Но вот что характерно: во-первых, подобных богатых погребений найдено в ананьинских могильниках очень мало, а во-вторых, все эти могильники: и Старший Ахмыловский, и I Новомордовский, и Ананьинский датируются временем не позже V в до н. э. Это был период довольно сложной политической ситуации, когда на юге в 516 г. до н. э. скифы вели кровопролитную войну с персидским царем Дарием, и эхо этой войны, докатившись до берегов Средней Волги и Нижней Камы, вызвало массовое переселение ананьинских племен на новые земли, соответственно сопровождавшееся частыми межплеменными конфликтами. И вот в это время, как никогда, была велика роль военного вождя. Освоение новых земель, выяснение отношений с мест-

ным населением, установление, где торговлей, а где и мечом, контактов с соседями — все это нуждалось в сильном и твердом руководстве, что и осуществлял военный вождь.

Но вот кончилась смутная пора переселения и борьбы за жизненное пространство. Новая территория (в данном случае — бассейн Нижней Белой) освоена, местное население — мелкие разрозненные роды носителей курмантауской культуры — покорено или вытеснено в горы Южного Урала, определены границы племен и на самой кромке степи построена защитная система городищ. Дальнейшее средоточение власти в руках военных вождей теряет свой смысл, более того, становится обременительным для рода. Трудно сказать, какими внутренними коллизиями сопровождался переход управления ананьинским родом и племенем к мирной жизни, но факт остается фактом, что в поздних ананьинских могильниках V—IV вв. до н. э. Котловском, Зуевском на Каме и Таш-Елга мы не находим таких богатых и пышных по обряду погребений, как описанные выше.

В исследованном еще в XIX в. археологом А. А. Спицыным Зуевском могильнике (правый берег Камы, против устья р. Белой) крупнейший исследователь ананьинской культуры на Урале А. В. Збруева выделила 10 самых богатых мужских погребений, в которых были найдены кельты, наконечники стрел и копий или еще остатки кожаного пояса, украшенного бронзовыми бляшками. Но ни по обряду захоронения, ни по месту расположения на территории могильника эти «богатые» могилы не выделялись из прочих рядовых погребений. Таким образом, мы убеждаемся, что военные вожди поздних ананьинцев хотя и продолжали оставаться составной частью родо-племенной власти, но их авторитет и социальная значимость были далеко не те, что в прежние времена.

Большинство археологов, изучавших и изучающих ананьинскую культуру Прикамья, считают, что ананьинские племена были объединены в союзы, подобные союзам племен северо-американских индейцев, описанным Л. Г. Морганом и Ф. Энгельсом. Такие «союзы» между родственными племенами, — писал Ф. Энгельс, —

заклучались то там, то тут в случае временной необходимости и с ее исчезновением распадались».

Вне всякого сомнения, в истории ананьинских племен был период, когда объединение их в военный союз было просто необходимо. Это — VI—V вв. до н. э., время захвата и освоения новых районов Прикамья и Приуралья.

В этот период, если судить по расположению городищ и неукрепленных поселений, ананьинцы, особенно на Средней Волге и Нижней Каме, жили сплошным массивом без четко выраженных границ. Например, от устья Ветлуги на Волге и до устья р. Белой на Каме известно сейчас 16 городищ и 22 поселения, расстояние между которыми только в одном случае (гор. Ельниковское и Казанка I) чуть превышает 50 км. Кроме того, отмечается поразительное сходство форм и орнаментации глиняных сосудов (а это — один из основных показателей этнической и культурной близости древних племен) на огромной территории от р. Ветлуги до р. Уфы, наличие захоронений и целых могильников знатных воинов говорит о тесном единстве ананьинских племен, за которым мы вправе видеть существование военного союза, обеспечившего им в конечном итоге культурное и политическое господство в Приуралье.

Но в конце V — нач. IV в. до н. э. картина существенно меняется. Военный союз ананьинских племен, выполнив свою роль, распадается, и это нашло свое отражение в материале археологических памятников того периода. Прежде всего, пришедшие на правобережье Средней Белой потомки средневожских и нижнекамских ананьинцев образуют крупное племенное объединение, известное археологам под именем карабызской культуры (о ней у нас речь пойдет ниже). Крайним западным поселением этого племени является Биктимировское городище под г. Бирском. Затем вниз по р. Белой на расстоянии 60 км позднеананьинских памятников не обнаружено, но уже недалеко от устья р. Базы (Трикольское городище в Илишевском районе) начинается территория следующего племени, известного среди археологов как нижнекамский вариант ананьинской культуры. Территория его, довольно плотно заселенная, тянется вниз по р. Белой до ее устья, а затем по правому берегу р. Камы от устья

р. Ик (Большое Малиновское городище) до устья р. Буй (Галановское городище). От среднебельских городищ караабызской культуры памятники нижекамского варианта ананьинской культуры резко отличаются глиняной посудой, украшенной круглыми ямками и оттисками крученого шнура («веревочкой»).

Ниже по течению Камы ананьинских поселений и могильников моложе V в. до н. э. не обнаружено. Зато вверх по течению, в 80 км от Галановского городища в районе пос. Сайгатка Пермской области, начиналась территория еще одного ананьинского племени, поселения которого (2 городища и 3 неукрепленных селища) пермским археологом А. Д. Вечтомовым названы сайгатской племенной группой. И затем далее вверх по Каме до г. Перми исследователь выделяет еще 4 племенных ананьинских группы, находящихся друг от друга на расстоянии 40—60 км: еловскую (2 городища и 7 селищ), осинскую (3 городища и 13 селищ), оханскую (2 городища и 4 селища) и самую крупную — пермскую (4 городища и 24 селища). С одной стороны, считать такие мелкие скопления памятников отдельными племенами как будто бы и сомнительно, особенно в сравнении с памятниками района бельского устья, где одних только городищ сейчас известно 17, но с другой стороны, как показывают исследования русских и советских этнографов (Б. О. Долгих), для народов таежной полосы Западной Сибири более характерны очень небольшие племена по 100—200 человек в каждом. Как бы там ни было, но керамика всех этих поселений также отличается по своей орнаментации (кроме ямок и «веревочки», еще и узоры, выполненные оттисками зубчатого штампа) от керамики караабызских и нижекамских поселений.

Выделяя характерные для эпохи родового строя признаки племени, Ф. Энгельс на первое место поставил собственную территорию и собственное имя. «Каждое племя владело, кроме места своего действительного поселения, еще значительной областью для охоты и рыбной ловли. За пределами этой области лежала обширная нейтральная полоса, простиравшаяся вплоть до владений ближайшего племени; у племен с родственными языками эта полоса была уже; у племен, не родственных друг другу по языку — шире». Примени-

тельно к ананьинским племенам Прикамья, мы имеем налицо все характерные черты, присущие этому первому классическому признаку племени: четко очерченная территория поселений с однотипным материалом, нейтральные полосы между племенами, где никаких памятников не выявлено, и даже разную протяженность этих нейтральных полос.

Племена ананьинской культуры Прикамья, как и все племена эпохи военной демократии, состояли из отдельных родов, обитавших на укрепленных поселениях-городищах. Численность каждого такого рода была очень невелика (не более 50—60 человек), а потому о сложной социальной иерархии внутри ананьинского рода говорить не приходится. И конечно же, будучи органической частью племени, роды в экономическом, а особенно в политическом отношении, тесно были связаны с племенем и подчинялись власти племенных вождей и старейшин.

Но вместе с тем, каждый род был самостоятельным и полностью распоряжался территорией, на которой он жил, и прилегающими к ней пастбищами, водными и лесными угодьями, собственным родовым святилищем и кладбищем (могильником) или участком на общеплеменном могильнике. Правда, родовых ананьинских святилищ археологам пока неизвестно. Впрочем, это неудивительно, поскольку в традиции племен Урала и Сибири было прятать свои капища в глухих лесных тайниках и окружать их глубокой тайной. Не исключено, что где-то на пустынных берегах Камы, Волги, Вятки или Белой, в толще земли, ждут своего Колумба остатки ананьинских святилищ, где некогда, под гудение бубнов и исступленные вопли жрецов возносились к богам просьбы о сохранении и приумножении стада, о ниспослании обильного урожая и удачной охоты, о победе над иноплеменниками, о здоровье и благоденствии сородичей, и дым жертвенных костров тяжелыми клубами падал на зеркальную гладь ночной реки...

Гораздо больше известно родовых ананьинских могильников, особенно на Средней Волге и Нижней Каме. Причем, характерно, что большинство из них расположено в устьях рек: Старший Ахмыловский в устье Ветлуги, Акозинский в устье р. Сундырка, Морквашин-

ский в устье Свияги, 11 могильников известно в районе устья Камы, Котловский могильник — в устье Вятки, Байларский — недалеко от устья Ика, а Скородумский — против устья р. Чусовой. Такое расположение могильников позволило археологу А. Х. Халикову предположить, что здесь хоронили своих покойников не только обитатели близлежащих поселений (а почти возле каждого могильника известны или поселение или городище), но и сородичи, жившие на берегах малых рек, притоков Волги и Камы, и привозившие по воде тела умерших на родовое кладбище. Подобный обычай, кстати, отмечен этнографами у ряда сибирских народов, да и в старинных песнях волжских и ветлужских марийцев есть упоминания о каком-то далеком кладбище, куда надо отправляться раз в год.

Анализ вещей, найденных в погребениях, показывает, что ананьинские роды внутри племени по богатству своему были далеко не равнозначны. Например, род, оставивший Акозинский могильник, был достаточно богат, и в погребениях его представителей мы находим массу бронзового и железного оружия и украшений: браслеты, шейные гривны, накладки, украшавшие пояса и головные уборы, бусы и т. д. Довольно богатым представляется Тетюшский могильник (наборы вооружения, бронзовые головные украшения и зеркало). Зато значительно скромнее жили роды, оставившие Луговской, Таш-Елгинский, Мурзихинский, Семеновский и др. могильники на Нижней Каме, где основной находкой являются бронзовые топоры-кельты, а богатых женских могил известно только две, и обе — в Луговском могильнике. Причем, все «богатство» этих покояниц заключалось, по-видимому, в их головных уборах, украшенных бронзовыми пластинчатыми бляшками, пронизками, подвесками. И уж совсем бедными выглядят роды, оставившие Гулькинский могильник на Волге, в Ульяновской области, и Скородумский могильник под Пермью. В погребениях этих могильников металлическое оружие и украшения встречаются единицами, а бронзовые наконечники стрел известны, например, только по тому, что один из них застрял в позвонке мужчины, похороненного в Гулькинском могильнике.

Причины имущественного неравенства ананьинских родов были самые разнообразные: это и количество рабочих рук, от которых, говоря современным языком, зависела производительность труда всего рода в целом, и количество мужчин-охотников и воинов, приносивших в род больше охотничьей добычи и военных трофеев, нежели их соседи, и, наконец, территория обитания рода. И не случайно, по-видимому, наиболее богатыми были те ананьинские роды, которые жили на перекрестках основных водных магистралей Волго — Камья: Камы и Волги, Камы и Белой и т. д. Именно по этим магистралям осуществлялся обмен товарами между кочевниками-степняками и лесными охотниками и скотоводами Прикамья и Урала.

Сейчас очень трудно в деталях установить принцип распределения богатства между членами одного рода. Археологи на основании ассортимента вещей, найденных в могилах, выделяют внутри ананьинских родов семьи побогаче и победнее. Если считать, что в могилы помещали только те вещи, которые принадлежали лично умершему, то вывод об имущественной дифференциации ананьинского рода получает свое фактическое подтверждение. Но вместе с тем у ананьинцев в общей собственности всего рода оставались основные средства производства: пахотные земли, пастбища, скот, охотничьи и рыболовные угодья.

Кроме того, очень интересные данные о социально-экономической структуре ананьинского рода дает нам анализ остатков жилищ, выявленных на 7 ананьинских поселениях Волго — Камья: Казанка I — 1 жилище, пос. Курган — 2 жилища, I Зуевключевское — 3, I Заюрчимское — 1, VI Заюрчимское — 3, Конецгорское — 1, Малахай — 2 жилища. Все эти жилища представляли собой длинные прямоугольные дома, стены которых были бревенчатые, крыша двускатная, потолков, судя по всему, не было, пол в жилище был земляной, на 10—30 см углубленный в почву. В каждом жилище был один выход, а окон из соображений экономии тепла не делалось. Площадь жилищ составляла от 40 (жилище пос. Курган) до 210 (Конецгорское пос.) кв. м. По продольной оси жилищ, на полу, устраивались очаги — простые костры, иногда обложенные камнями, дававшие и свет, и тепло. В таких домах жили семьи, свя-

занные между собой близкими родственными отношениями, которые вели сообща хозяйство и делали общие запасы продовольствия, а распределением пищи занималась одна из наиболее уважаемых женщин. Именно так вели свое домохозяйство североамериканские индейцы сенека-ирокезы, а в Прикамье весьма близкую описанной картину представляли удмуртские семьи. И, кстати сказать, жилища сенека-ирокезов («длинные дома») по конструкции и планировке были примерно такие же, как и у ананьинцев. Да и летние жилища удмуртов — кеносы — также состояли из нескольких отдельных строений, соединенных под одной крышей.

Естественно, что в таких коллективах, где основные источники благосостояния находились в общей собственности, а распределение материальных благ (прежде всего продуктов питания) осуществлялось централизованным путем, опять-таки, из общих кладовых, единственным признаком и критерием «богатства» были только те вещи, которые принадлежали лично данному индивиду. У женщин — украшения, у мужчин — оружие, прежде всего импортное: мечи-акинаки, секиры, боевые чеканы.

Но мы прекрасно понимаем, что никакое, пусть даже самое замысловатое и изящное украшение и никакой меч или чекан реальной власти своим владельцам над другими сородичами не давали и давать не могли. А потому обладателям роскошных мечей и кинжалов с орнаментированными бронзой (Старший Ахмыловский, Ананьинский могильник) или золотом (Луговский могильник) рукоятями приходилось, наверняка, наравне с остальными сородичами, трудиться и на пашне, и за скотиной смотреть, и на охоте промышлять. И не случайно во всех погребениях, где были найдены мечи и кинжалы, вместе с ними находилось и обязательное оружие лесного земледельца — бронзовый топор-кельт. А если мы попытаемся на планах ананьинских могильников выделить участки, где хоронили родовую знать, то это нам тоже не удастся, поскольку во всех известных могильниках и богатые, и бедные вещами погребения расположены вперемешку, без какой-либо системы.

Таким образом, мы приходим к выводу, что понятия «знать» и «богатые семейства», в привычном для

нас смысле, едва ли верно отражают реальную социальную структуру ананьинского общества. Пожалуй, мы будем гораздо ближе к истине в предположении, что ананьинцы в своем социальном развитии как раз подошли к той грани, за которой начинается распад родового строя. И если, действительно, отдельные ананьинские роды уже начинают скапливать в своих руках богатство (что отражается в появлении могильников с богатыми наборами вещей в погребениях), то внутри этих родов выделение отдельных богатых семей еще не произошло. Ибо тогда трудно было бы объяснить, как под одной крышей, греясь у одного и того же очага, питаясь из одного и того же котла, и главное, в равной степени владея стадами, пашнями и охотничьими угодьями, могли уживаться богач и бедняк.

Касаясь вопроса о хозяйстве ананьинцев, мы убедились, что основу их благосостояния составляли скотоводство, охота и подсечно-огневое земледелие, то есть именно те виды деятельности, где на первом месте стояла мужская сила. Естественно, это не могло не отразиться и на общественном положении мужчин-ананьинцев, и общество населения Прикамья и Приуралья, в том виде, как оно предстает перед нами по данным археологии, было полностью патриархальным. А это значит, что хозяевами рода, вершителями и организаторами всей хозяйственной и политической деятельности, носителями власти были мужчины. Женщины находились в подчиненном положении, и их «власть» ограничивалась стенами жилища и очагом. Археологически это подтверждается тем, что во всех известных ананьинских могильниках мужские погребения гораздо богаче женских по количеству положенных вместе с покойником предметов, да и качественно эти предметы резко между собой различаются. Так, если в мужских погребениях мы находим оружие, орудия труда и украшения, то в женских — только украшения и очень редко — шилья, иглы и пряслица. А как считала археолог А. В. Збруева, «Отсутствие в женских могилах оружия и основных орудий труда указывает на подчиненное положение женщины в роде и преобладающее значение мужчины... В тех случаях, когда женщины занимали господствующее положение в обществе (как, например, у савромат), их хоронили с оружием

и другими видами предметов исключительного значения и погребения их отличались от погребений других членов рода более пышным ритуалом».

Кроме того, в ананьинских могильниках (Луговском, Аkozинском, Старшем Ахмыловском, Ананьинском и др.) неоднократно встречается погребение мужчины «при полном параде», т. е. с набором оружия, орудий труда и украшений, а рядом с ним, в той же самой могиле — женщина, совершенно без вещей, что также указывает на главенствующее положение мужчины.

Но вместе с тем, было бы ошибкой совершенно отрицать роль женщины в общественной жизни ананьинских племен. Прежде всего, данные археологии свидетельствуют о том, что в эпоху раннего средневековья, в VI—VIII вв. н. э., народы Прикамья поклонялись какому-то божеству женского рода: вероятно, матери-прародительнице всего сущего. В музеях городов Перми и Чердыни хранится много бронзовых изображений этого божества. В более позднее время русские и европейские путешественники, посетившие Урал и Прикамье, пересказывали легенду о таинственной «золотой бабе», которой поклонялось и приносило жертвы коренное население края. И, наконец, по свидетельству этнографов, в XVIII—XIX вв. у удмуртов родовыми празднествами и религиозными церемониями руководила специально избираемая пожилая женщина — «то-ребаба».

Если от этих данных идти в глубь времен, к ананьинцам, то у последних мы тоже находим изображения каких-то божеств женского рода: это многочисленные глиняные фигурки, найденные в жилище Конецгорского поселения на Юшковском и Усть-Нечкинском городищах, а на Белой — на Аначевском городище. Если учесть, что найдены были эти фигурки возле очагов, то, видимо, здесь мы имеем дело с какими-то божествами — хранителями дома и домашнего очага, то есть, как раз то, чем и занимались женщины.

Таким образом, все это вместе взятое: и поклонение матери-прародительнице, которая всегда изображалась в окружении свиты зверей и людей, и глиняные статуэтки женщин — хранительниц домашнего очага, и отмеченная этнографами ведущая роль женщины при совершении религиозных церемоний, говорит о том,

что в патриархальном ананьинском обществе должны были сохраниться и сохранялись отдельные пережитки матриархата. И заключались они в том, что у ананьинцев, при полном экономическом и политическом господстве мужчины, за женщиной сохранялась прерогатива в духовной жизни, факт, кстати говоря, широко наблюдаемый у самых различных народов и в разные эпохи.

Духовная жизнь ананьинских племен Приуралья, их религия и мировоззрение во многом остаются для нас неизвестными. Многие обычаи, легенды и предания ананьинцев, увы, бесследно растворились в толще столетий, а полученные при раскопках городищ и могильников факты по сути дела представляют собой разрозненные звенья сложного сплетения исчезнувшей духовной культуры.

Прежде всего, мы узнаем, что у ананьинцев, как и у их более поздних потомков — мари, коми, удмуртов, пермяков, был развит культ предков, что нашло свое отражение в погребальном обряде. Представим себе как происходили захоронения умерших на одном из ананьинских могильников, например, на Луговском.

...Высокий правый берег Камы (естественно, у ананьинцев эта река называлась как-то иначе), между старых, уже осевших и поросших травой и сравнительно свежих могильных холмиков медленно движется траурная процессия. Умер старейшина рода, мудрый, убеленный сединами старец, а некогда — лихой и удачливый в бою воин. Впереди многочисленных домочадцев и приехавших на похороны из других поселков со родичей, на крепких руках четырех ближайших родственников, покачиваются в такт шагам носилки с телом покойного. Порывы свежего речного ветра терпят складки праздничных одежд покойного, а яркие лучи полуденного солнца вспыхивают бликами на ярко начищенных бронзовых бляхах, нашитых на колпак и пояс.

Пока печальное шествие, под плач и похоронные песни женщин медленно пробирается меж рядов могил к последнему пристанищу старейшины, двое юношей торопливо выбрасывают деревянными лопатами последние комья земли из новой могилы и устилают дно ее свежескошенным камышом и травой. И вот

толпа провожающих и плакальщиц подходит к могиле, тело покойного заворачивают в холстину и кожи и укладывают в яму на спину, ногами в сторону реки, поскольку именно по реке его душе предстоит путешествовать дальше, в царство мертвых. На краю обрыва разводят костер, на котором жарят мясо тут же зарезанного специально для этого коня. Поскольку путь на тот свет труден и долог, в могилу с умершим кладут запас жареного мяса и ставят сосуд с жидкой пищей. Ну, а чтобы душа, родича на том свете ни в чем не испытывала нужды и не была в обиде на живых, кладут: копьё на коротком и прочном древке, лук и колчан с набором бронзовых и костяных стрел (бронзовые для войны, костяные для охоты), топор-кельт, нож и оселок.

Затем наступает кульминационный момент погребальной церемонии — очищение огнем души покойного от земной скверны. Из жертвенного костра берут груды пылающих углей и с заклинаниями высыпают их на тело. Потрескивают, загораясь, кожаные покровы, тлеет одежда, распространяя вокруг резкий запах паленой шерсти, чернеет и лопается кожа на руках и ногах покойного. И тогда по знаку жреца или жрицы мужчины начинают забрасывать могилу землей. Вот уже скрылось тело, постепенно над могилой вырастает небольшой холмик, из недр которого то тут, то там вырываются струйки голубоватого дыма от продолжающих тлеть углей. В печальном молчании рассаживаются сородичи вокруг жертвенного костра и съедают мясо жертвенного коня, а кости и голову оставляют среди могил для душ давно умерших предков.

Мир, окружавший ананьинцев, был очень сложным, многообразным и буквально был наполнен различными духами, «чистой и нечистой силой». Так, находясь в лесу, нужно было принести жертву духу леса (по-удмуртски «нюлес мурт») и деревьям, в которых заключены души людей. У большинства народов Прикамья — удмуртов, коми, мари, — это были береза, ель, рябина и черемуха.

На воде (реках, озерах) рыболова или путешественника подстерегал водяной («ву мурт»). Как считали удмурты, он был «даже более сильный и опасный, чем «нюлес мурт». И по этой, видимо, причине поздние потомки ананьинцев предпочитали иметь дело с река-

ми только в крайних случаях, а сами ананьинцы даже свои неукрепленные поселения устраивали подальше от реки, рядом с мелкими ручейками и родничками. Отправляясь на охоту, ананьинцы приносили жертвы промысловым животным, среди которых на первом месте стояли лось и медведь. Вырезанные из кости головки лосей найдены на Пижемском, Гроханском, Буйском и Зуево-Ключевском городищах на Каме. На Конецгорском селище найдена костяная головка медведя, а в Зуевском могильнике — костяная палочка с фигурками двух медвежат, как бы лезущих вверх по стволу дерева. Кроме того, на ананьинских поселениях часто находят амулеты из клыков и зубов медведя. Характерно, что еще совсем недавно у коми медведь — «ош» — был наиболее почитаемым животным. Клыки и когти его использовались как талисман, а зубы — как лекарство. Их сжигали и золой присыпали больное место. Изображения свернувшихся в клубок медведей найдены на резных каменных пряслицах с ананьинских городищ.

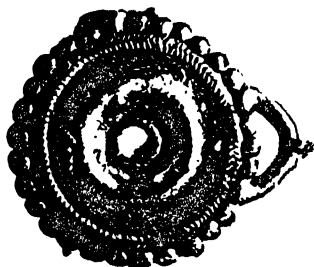
Как и у большинства народов лесной полосы Восточной Европы и Западной Сибири, у ананьинцев был широко распространен культ солнца. И это вполне объяснимо, поскольку в их многоотраслевом хозяйстве по солнцу определяли и сроки выхода на охоту, и сроки выпаса скота, и сроки посева и уборки злаков. Многочисленные изображения солнечного диска мы встречаем отлитыми в бронзовых украшениях, гравированными и прочерченными на глиняных пряслицах, выбитыми на рукоятках кинжалов и лезвиях секир. Кстати, и очищение огнем, по мнению ряда ученых, также есть проявление солнечного культа.

Вот так, примерно, выглядят, по археологическим данным, отдельные звенья в сложной системе религиозно-мистических представлений ананьинских племен Прикамья и Приуралья.

С середины I тысячелетия до н. э. в истории ананьинских племен начинается новый период. Расселившись на обширных лесных просторах Прикамья и Приуралья, ананьинцы постепенно теряют свое этническое и культурное единство. Сложность и опасность передвижения по дремучим камским лесам, суровая уральская природа, которая хотя и давала человеку все необходимое

для жизни, но и требовала от него полной отдачи сил и времени, отнюдь не способствовали развитию соседских контактов между племенами. Поэтому к концу I тысячелетия до н. э. ананьинская этнокультурная, как ее называют специалисты, общность окончательно распадается, и на ее осколках формируются новые этнические образования, известные в науке под именами пьяноборской (чегандинской), гляденовской, осинской и карабызской археологических культур.

Хозяева бельского устья

События истории Древнего мира последней трети I тысячелетия до н. э., как они сейчас представляются историкам, можно сравнить с бешено крутящимся водоворотом. В центре его, на берегах Средиземного моря, Рим ведет ожесточенную борьбу за утверждение своего господства: войны с Карфагеном в 218—146 гг. до н. э. и понтийским (Северное Причерноморье) царем Митридатом VI Эвпатором в 88—63 гг. до н. э.; вторжение легионов М. Лукулла в Армению в 69 г. до н. э. и множество других не менее ярких событий. Войны Митридата с Римской империей сыграли роль магнита, притягивавшего к себе основные массы сарматских (аорсов) племен из степей Южного Приуралья. Начиная с I в. до н. э. сарматы, помогая Митридату в его борьбе, становятся одной из активнейших политических сил античного мира. Уходя на запад, к границам Боспора и Римской империи, сарматы в Южном Приуралье, в бассейне р. Белой, оставляли за собой территориальную лакуну, которая тут же, с севера заполнялась вышедшими из глухих лесов Нижнего и Среднего Прикамья племенами, создателями и носителями пьяноборской (чегандинской) археологической культуры.

В 1880 г. в Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете была доставлена замечательная коллекция древних вещей, найденная в селе Пьяный Бор на Каме (ныне Красный Бор в Татарской АССР), из разрушенного могильника. Коллекция эта состояла из бронзовых украшений, среди которых особенно выделялись крупные поясные застёжки в фор-

ме эполета (эполетообразные застежки), орудий труда и оружия (наконечников стрел и копий). Коллекция эта заинтересовала многих археологов и особенно А. А. Спицына, который датировал все эти вещи послепалеолитическим временем и впервые ввел в научный оборот термин «пьяноборская культура».

Затем последовал ряд интересных открытий других памятников этой культуры: Гляденовского костяка под Пермью и двух могильников у д. Нырғында против устья р. Белой (А. А. Спицын). Но основная масса из известных сейчас памятников пьяноборской культуры была открыта и изучена в 50-х — начале 70-х годов нашего столетия. В это время Удмуртская археологическая экспедиция под руководством В. Ф. Генинга обнаружила 14 пьяноборских городищ, 14 неукрепленных поселений, 3 могильника на правом берегу р. Камы от с. Красный Бор до пристани Сайгатка. Среди них сейчас наиболее изученными являются городище и могильник у с. Чеганда в Удмуртской АССР.

По левому берегу Нижней Белой и по берегам р. Ик археологи г. Казани нашли 7 городищ, 29 селищ и 2 могильника пьяноборской культуры. Археологи Башкирии (А. П. Шокуров, Н. А. Мажитов, А. Х. Пшеничнюк, С. М. Васюткин, Б. Б. Агеев, В. К. Калинин и автор этих строк) выявили и исследовали 20 пьяноборских городищ, 39 селищ и 11 могильников в бассейне рек Белой, Таныпа и Сюни.

И сейчас, по имеющимся у нас данным, территория расселения пьяноборцев в Приуралье выглядит следующим образом: западная граница — это скопление городищ, могильников и селищ на правом берегу р. Камы против устья р. Белой, а восточная или, точнее, юго-восточная — II Маядыкское городище (д. Старый Маядык Дюртюлинского района БАССР) на правом берегу р. Белой и Дюртюлинское городище (окраина р. п. Дюртюли) — на левом. Северная граница пьяноборской территории проходила где-то по верховьям р. Быстрый Танып (Береговское селище у деревни Ивановка Янальского района БАССР), а южная — по правобережью среднего течения р. Ик. Самым южным из известных пьяноборских памятников является могильник у д. Урманнаево Бакалинского района БАССР. Общая площадь, занимаемая пьяноборцами в Прикамье и бассейне р. Бе-

лой, равнялась 9600 кв. км. Но на этой территории расположены памятники всего периода истории пьяноборских племен. А нам было бы очень интересно и важно знать, где и когда зародилась эта очень яркая археологическая культура. Но вот как раз по этому-то вопросу среди археологов до сих пор не сложилось единого мнения.

Известный советский археолог В. Ф. Генинг, на протяжении нескольких лет изучавший памятники пьяноборской культуры в Прикамье и посвятивший им две свои книги, считает пьяноборцев прямыми потомками среднекамских и нижнекамских ананьинцев. Его точка зрения совпадает со взглядами абсолютного большинства археологов Урала и Поволжья на проблему генезиса пьяноборской культуры.

И действительно, если мы совместим карту ананьинских памятников Прикамья и Нижней Белой с картой пьяноборских памятников, то они полностью совместятся, но границы пьяноборской культуры будут несколько шире, в основном за счет памятников по рекам Ик и Сюнь. Кроме того, большая часть пьяноборских городищ находится на месте более ранних ананьинских, и при раскопках таких памятников, как Новокабановское, Тратау (Старонагаевское), Петертау (Юлдашевское), Аначевское и другие городища, мы вместе с фрагментами ананьинских глиняных сосудов, украшенных ямками и отгисками шнура, в больших количествах находим типично пьяноборские сосуды (горшки, миски и чаши с круглыми днищами, украшенные только поясом из круглых ямок, а иногда еще и насечками по верхнему краю сосуда). И, наконец, в своей книге «История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху» В. Ф. Генинг приводит таблицу, в которой дается подробная схема развития некоторых типов пьяноборских украшений (височные подвески, бляшки, поясные накладки) из ананьинских прототипов.

Но вместе с тем, исследованиями последних лет получен ряд фактов, которые противоречат проведению родственных связей между ананьинцами и пьяноборцами. Так, уфимский археолог Б. Б. Агеев, занимаясь проблемами происхождения пьяноборской культуры, пришел к выводу, что начало ее существования приходится не на III, а на II в. до н. э. Почти одновременно

с ним молодой казанский исследователь С. В. Кузьминых, изучавший историю цветной металлургии ананьинских племен Волго-Камья, установил, что все основные типы ананьинских бронзовых украшений, оружия и орудий труда прекращают свое существование к началу IV в. до н. э. А это очень важный показатель, поскольку у каждого народа были, да и сейчас есть, особые, только ему присущие украшения, бытование которых самым тесным образом связано с жизнью данного народа. Поэтому, по результатам выводов названных выше исследователей, между ананьинцами и пьяноборцами существовал почти 200-летний разрыв во времени. Это во-первых. Во-вторых, мало понятную и трудно объяснимую картину дает нам сравнение физического облика ананьинцев и пьяноборцев.

Советский антрополог М. С. Акимова, исследуя черепа из ананьинских могильников Волго-Камья: Аkozинского, I Новомордовского (сюда же можно добавить изученные Т. А. Трофимовой черепа из Луговского и Гулькинского могильников), установила, что ананьинцы были в большей степени монголоиды, хотя среди них и встречались люди с преобладанием в лице европеоидных черт. А вот пьяноборцы, по исследованным ею же черепам из Чегандинского, Нырғындынского и Камышлы-Тамакского могильников пьяноборской культуры были полностью европеоиды. Естественно, в такой ситуации вопрос о происхождении пьяноборской культуры нельзя пока считать окончательно решенным, и археологам предстоит еще немало поработать как над установлением степени родства между пьяноборцами и предшествующими им ананьинцами, так и над определением начальной даты истории пьяноборских племен Прикамья и Нижней Белой.

Ну, а что же нам все-таки известно о жизни пьяноборских племен и их истории?

Начнем с того, что, живя в одинаковых с ананьинцами природных условиях, пьяноборское население Средней Камы и Нижней Белой вело такое же комплексное хозяйство, где на первом месте стояло скотоводство. Это и понятно, поскольку более чем третью часть пьяноборской территории (3750 кв. км) составляют обильные сочными травами заливные луга Камско-Бельско-Икской поймы, которые и по сей день явля-

ются основной кормовой базой северо-западных районов БАССР. По краям этой поймы в настоящее время известно 123 пьяноборских поселения, из которых 41 городище и 82 неукрепленных селища. Площадь пьяноборских городищ Прикамья и Нижней Белой колеблется от 1000 (городище Тат-Ямалы на левом берегу р. Белой в ТАССР) до 26400 кв. м (городище Серенькино у д. Гремячий Ключ в Илишевском районе БАССР).

В. Ф. Генинг считает, что численность одного пьяноборского рода в среднем составляла 50 человек и для их проживания нужна была площадь порядка 3000 кв. м. Тогда получается, что в низовьях р. Белой, на городищах Петертау и Серенькино могли одновременно жить 6—10 пьяноборских родов. На Новокабановском, Какры-Куль, Ново-Медведевском, Уяндыкском, Андреевском, Аначевском, Балтачевском и Дюртюлинском — по 1—2 рода, а на многочисленных открытых селищах — по 1 роду. Добавим сюда еще данные по Удмуртскому Прикамью, бассейнам Ика и Сюни, Быстро-го Таныша и получим приблизительную численность пьяноборцев в 160—165 родов, или чуть более 8000 человек. Конечно, это в том только случае, если все учтенные пьяноборские поселения были заселены и существовали одновременно, что мало вероятно. По мнению В. Ф. Генинга, общая численность пьяноборцев была порядка 5000 человек, а на ранних этапах их истории, возможно, и того меньше. Во всяком случае, если считать самыми ранними те поселения, где пьяноборская керамика встречается вместе с ананьинской (на Белой это городища Такталачук, Новокабановское, Какры-Куль, Петертау, Андреевское, Аначевское, Серенькино, Дюртюлинское, Балтачевское и селища Ново-Киргизовское, Ново-Медведевское I, Масаде III и некоторые другие), то по приблизительным подсчетам, на них обитало немногим более 50 пьяноборских родов. Но даже и в максимальном варианте, Камско-Бельская пойма обладала большим кормовым потенциалом и позволяла пьяноборцам содержать при желании по 15—20 голов крупного рогатого скота на каждую душу населения. Естественно, это давало им возможность не только обеспечивать себя необходимым количеством мяса и молока, но и создавать некоторые излишки, которые шли на обмен с соседями. Но, пожа-

луй, основным продуктом, идущим на внешний обмен, у пьяноборцев были все-таки продукты охотничьего промысла. Так же как и на ананьинских городищах, анализ костного материала с городищ пьяноборской культуры показывает, что дикие пушные животные (медведь, лисица, бобр, куница, белка) составляли основной объект охоты пьяноборцев.

Основным орудием являлись лук и стрелы. Наконечники стрел встречаются очень часто и на поселениях, и в погребениях. Вообще наконечники стрел (железные, бронзовые и костные) составляют 94 процента от общего количества известного сейчас пьяноборского оружия. Причем, из них только 42 процента — боевые (бронзовые и железные), а остальные — охотничьи (костяные наконечники в виде маленькой — 3-4 см длиной трехгранной пирамидки с плоским основанием и круглой втулкой). Обилие костяных наконечников стрел — тоже один из показателей роли охоты в жизни пьяноборского общества.

Интересен и тот факт, что у пьяноборцев промысловой охотой занимались и женщины. Свидетельство тому — остатки колчанов с 9—11 наконечниками стрел, найденные в семи женских погребениях могильника Чеганда II в Удмуртии.

Жившие по берегам больших рек — Камы, Белой и многочисленных пойменных озер и стариц пьяноборцы, естественно, не могли не заниматься рыболовством. Об этом свидетельствуют кости и чешуя рыб на поселениях. Кроме того, на городище Серенькино в 1979 г. нами был найден костяной рыболовный крючок с ушком для привязывания лески. До сих пор остается неясной роль земледелия в хозяйстве пьяноборского населения Прикамья и Нижней Белой. Данных о том, что у пьяноборцев было пашенное земледелие, не имеем. Следовательно, мы должны исключить из сферы их земледелия все участки степных черноземов по берегам Белой, Сюни, Ика и Быстрого Таньша, которые, как известно, поддаются только плугу. Что касается участков незаливной долины в Камско-Бельском междуречье, на территории современного Краснокамского района БАССР, между реками Березовкой и Кельтей (по мнению некоторых исследователей, здесь был основной пахотный фонд пьяноборского населения), то

они в общем-то удалены от наиболее крупных скопленных пьяноборских поселений. Впрочем, мы не должны исключать возможность поездок пьяноборцев на поля за 15—20 км от своих поселений.

Орудий земледелия с пьяноборских поселений известно пока только четыре: три железных наконечника мотыги с городища Чеганда I и Ныргында в Удмуртии и с Якимковского I городища под Нефтекамском, а также узкий железный серп с городища Серенькино. Мотыги представляют собой довольно массивную железную пластину, верхний конец которой загнут в трубицу для черенка. Примерно такими же мотыгами — куштанами — коми-пермяки не только рыхлили землю, но и подрубали корни деревьев и кустарников на вновь осваиваемых участках. Серп же отличается от современных серпов размерами, отсутствием насечки на лезвии и коротким черешком, который как бы продолжает спинку серпа.

О зерновых культурах, возделываемых пьяноборцами, мы пока никаких сведений не имеем. Правда, в соседнем районе, на Средней Каме, при раскопках В. Ф. Генингом Осинского городища, относящегося к этому же времени, в одном из жилищ было найдено большое количество обугленных злаков. Среди этих остатков определены зерна полбы, ячменя, пшеницы и овса. Специалисты, занимавшиеся изучением этих зерен, считают, что на первом месте среди возделываемых культур стояла полба, а затем ячмень. Немалую роль, вероятно, играла и пшеница. Овес не являлся самостоятельной культурой, это были полбяные овсы, засорители посевов полбы.

Вот, пожалуй, и все, что нам пока известно о земледелии у пьяноборского населения Прикамья. Естественно, по этим данным очень трудно судить о степени значимости той или иной отрасли в хозяйстве пьяноборцев. И поэтому, конечно же, была права А. В. Збруева, когда писала, правда, об ананьинцах: «...учитывая окружающую их природную среду в условиях современного или очень близкого к современному климату... не скотоводство и не земледелие в отдельности были ведущими отраслями хозяйства, а земледелие и скотоводство, вместе взятые». Эти слова в полной мере можно отнести и к носителям пьяноборской культуры.

Пьяноборская эпоха — время окончательной победы железа в хозяйстве и военном деле народов Прикамья. Наглядный тому пример — изготовление оружия. Если у ананьинцев 68 процентов всего оружия отливалось из бронзы (наконечники стрел и копий, чеканы, топоры-кельты), то у пьяноборцев вся бронза шла на изготовление женских украшений, а оружие (за исключением небольшого количества бронзовых наконечников стрел) и орудия труда были железными. И хотя мы пока не знаем тех месторождений, откуда пьяноборские металлурги добывали железную и медную руду, но то, что они на своих городищах занимались плавкой металла, — бесспорно.

В. Ф. Генинг во время раскопок городища Чеганда I обнаружил две ямы, в которых жившие на этом городище мастера варили железо. Представьте себе большую, порядка 2×1,5 м овальную яму, глубиной до 1 м, разделенную глиняной перегородкой на две половины. В одну половину вперемешку насыпали древесный уголь и железную руду: слой угля, слой руды, опять слой угля, слой руды, и так до заполнения ямы. Затем сверху разводился жаркий костер, от которого загорался уголь в яме. Теперь начиналось самое главное — варка железа. В перегородке, разделявшей яму, загодя были пробиты отверстия, куда вставлены глиняные трубки — сопла. Концы этих сопел были соединены с кожаными мехами. Кстати, обломок такого сопла, сильно обожженный и закопченный, был найден на Аначевском городище в Башкирии. Нагнетая при помощи мехов воздух в печь, мастер добивался температуры (1300—1400°), необходимой для восстановления железа, содержащегося в руде в виде окиси. Освободившееся чистое железо в виде монолитной тестообразной массы оседало на дне ямы, а другие породы, содержащиеся в руде, более легкие, в виде шлака скапливались над крицей. Рабочий объем плавильных ям на городище Чеганда I был очень невелик. Добываемые в них крицы были небольшого размера, весом не более 1—2 кг.

Извлеченную из горна раскаленную крицу нужно было еще очистить от расплавленного шлака и других примесей. Для этого ее тут же, возле плавильной ямы,

еще раз нагревали на костре и проковывали на каменной наковальне крупными каменными молотами.

В 1972 г. на городище Тратау в Краснокамском районе БАССР нами была найдена крица, по каким-то причинам еще не обработанная. Представляет она собой круглую «лепешку» весом около 1 кг, с одной стороны плоскую, покрытую коркой застывшего шлака, а другая сторона полукруглая, видимо, повторяющая очертания дна плавильной ямы, где среди застывшей шлаковой пены видны крупные куски бурого от окиси железа.

Понятно, что процесс выплавки и обработки железа требовал большого навыка и сил, и поэтому, вне всякого сомнения, у пьяноборцев мастера — металлурги и кузнецы были выделены в особый клан и окружены уважением и почитанием, смешанным с суеверным страхом. И не удивительно, ведь недаром у славян да и многих других народов кузнецы, постоянно работавшие у пышущего огня, с раскаленным, стреляющими снопами искр, металлом, считались друзьями и знатоками всякой нечистой силы. А тем более металлург, который при помощи одному ему известной силы превращал невзрачные землистые комочки руды в сияющий багровым пламенем раскаленный кусок такого нужного и в доме, и на поле брани железа!

Здесь же, на городищах, возле домашних очагов, занимались пьяноборцы и плавкой меди и бронзы. Так же как и у ананьинцев, мы до сих пор не можем найти следов плавки руды на пьяноборских поселениях (остатков медеплавильных печей или горнов). Хотя медные шлаки встречаются в большом количестве и, как правило, возле очагов. Особенно много их было найдено на городищах Петертау (Юлдашевском) и Серенькино. Отсутствие остатков медеплавильных печей побудило некоторых исследователей считать, что пьяноборцы выплавляли медь из руды прямо в своих домашних очагах.

Трудно пока сказать — так ли это было на самом деле. Но вот то, что литьем они занимались здесь же, в домашней обстановке, — несомненно. На многих пьяноборских городищах — Чеганда I, Петертау, Серенькино и других найдены обломки глиняных сосудиков для плавки меди (тигли), на стенках которых сохра-

нились капельки застывшего металла. Как правило, находят такие тигли возле остатков очагов. А в Пьяноборском могильнике был найден обломок глиняной формы для отливки женского украшения. Вообще пьяноборские мастера-литейщики в обработке бронзы значительно преуспели по сравнению со своими предшественниками. Из меди и бронзы они отливали многочисленные украшения, как плоские (прорезные пластины, нашивавшиеся на одежду, поясные накладки, круглые бляшки с ушком на обороте), так и объемные (браслеты, гривны, поясные пряжки, эполетообразные застёжки, височные подвески, наконечники ножен). Умели тянуть тонкую медную проволоку, из которой скручивали женские головные украшения (серьги, подвески), перстни и пронизки. Очень широко освоили пьяноборцы технику изготовления медных предметов из нескольких отдельных деталей. Именно так изготовлены знаменитые эполетообразные застёжки, состоящие, как правило, из четырех деталей, отлитых отдельно, а затем спаянных между собой.

Судя по находкам в погребениях, пьяноборские женщины питали исключительную слабость к металлическим украшениям и подчас носили их на себе в виде различных бляшек, пряжек, застёжек, браслетов и подвесок, до полутора-двух килограммов сразу.

Кто же занимался производством этих вещей? К сожалению, пьяноборские памятники не дают прямого ответа на этот вопрос. Но вот в последующее время, в первой половине I тысячелетия н. э., в нескольких женских погребениях племен Прикамья (т. н. азелинская культура) были найдены наборы инструментов мастера-литейщика и ювелира, а также различные заготовки для украшений. Отсюда исследователи заключили, что в металлургии народов Прикамья, по всей видимости, в пьяноборскую эпоху произошло разделение труда, когда железоделательное производство, связанное с изготовлением оружия и орудий труда, стало сферой деятельности мужчин, а изготовление медных и бронзовых украшений — женщин.

Причем, пьяноборские мастерицы работали не только на обеспечение украшениями своих сородичей, но и выставляли свои изделия на обмен, т. е. говоря современным языком, работали и на рынок. Свидетель-

ством тому — исключительная стандартизация отдельных изделий, когда вещи, найденные на удаленных друг от друга памятниках, настолько совпадают, что кажутся отлитыми в одной форме.

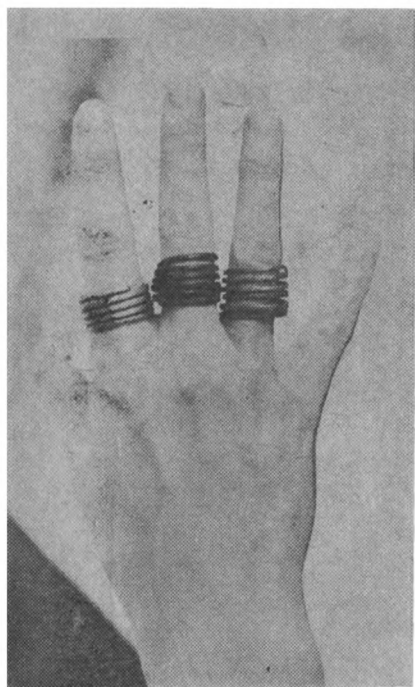
Об этом же говорят зарытые по каким-то скрытым от нас причинам клады (Трошковский, Каракулинский, Коростинский), состоящие из нескольких сотен различных бронзовых поделок общим весом до 10—12 кг. Особенно показателен Каракулинский клад на Каме, в котором были украшения, отлитые, но еще окончательно не очищенные и не отшлифованные. Вещи этого клада совершенно не были в употреблении и были запрятаны, конечно, мастером.

По-прежнему пьяноборцы продолжали поддерживать тесные торговые связи с соседями, причем, как с близкими, прикамскими, так и с более отдаленными. Основным товаром, поставляемым ими на внешний рынок, оставалась пушнина, но вместе с ней пьяноборские мастера начинают выставлять и свою продукцию.

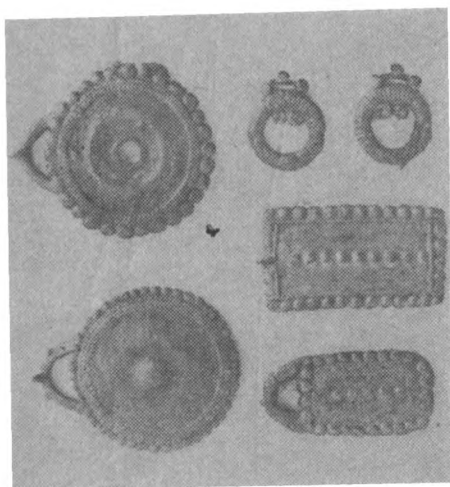
Конечно, бронзовые украшения пьяноборцев не могли серьезно конкурировать с золотыми и серебряными изделиями греческих и римских ювелиров, но, тем не менее, в сарматских курганах Нижнего и Среднего Поволжья иногда находят бронзовые пряжки, явно пьяноборского образца, попавшие туда, вероятно, в результате торгового обмена. И, по-видимому, гораздо охотнее приобретали пьяноборские украшения ближайшие соседи пьяноборцев — носители городецкой культуры, обитавшие на Оке и правобережье Средней Волги. Например, на городище у д. Тиханкино, в низовьях р. Суры, был найден клад, состоявший из пьяноборских украшений: эполетообразных застёжек, круглых ажурных бляшек, подвесок в виде гусиных лапок и др. Подобные же украшения были обнаружены на городище Ножа-Вар, Пичке-Сорче на Суре и Кошибеевском могильнике у слияния рек Мокши и Цны.

Отдельные образцы пьяноборских украшений попадали и далеко на восток, за Урал и в Западную Сибирь. Именно там, в окрестностях Тобольска и Томска, были обнаружены погребения с пьяноборскими височными подвесками и эполетообразными застёжками.

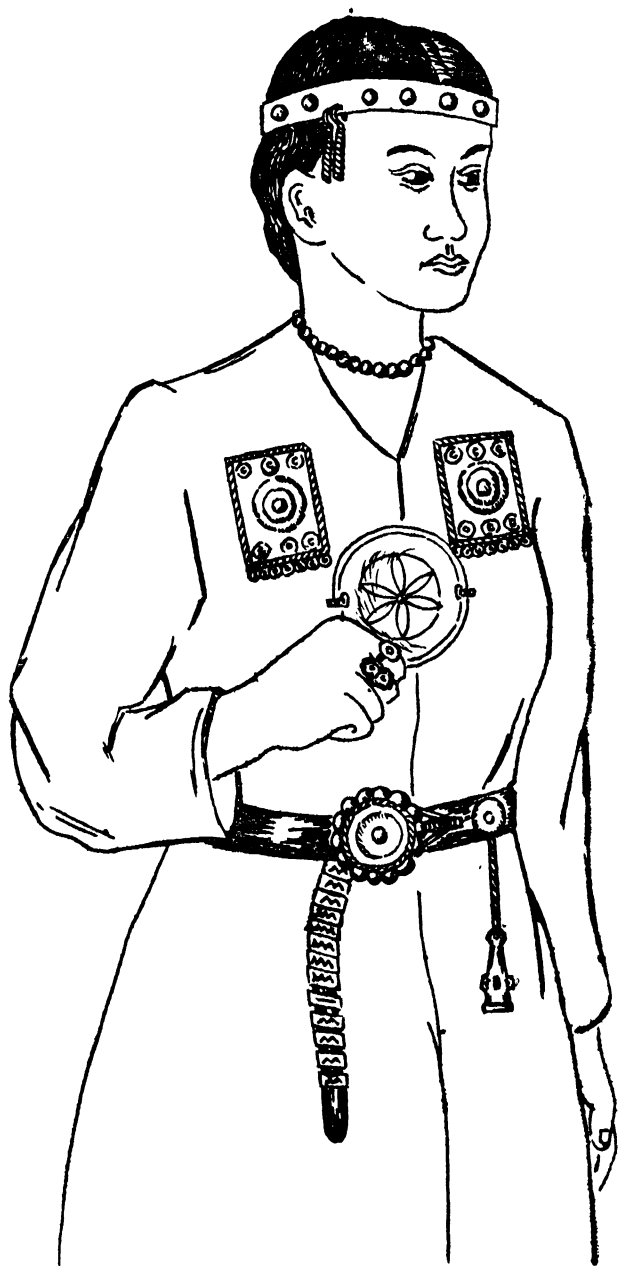
А что же получали пьяноборцы взамен? При анализе многочисленных импортных предметов, обнару-

женных в пьяноборских могильниках Камы и Нижней Белой, создается впечатление, что пьяноборцы предпочитали покупать у чужеземных торговцев украшения, стеклянную посуду и другие предметы роскоши. В могильниках, расположенных вдоль основных водных магистралей: Чеганда II, Юлдашевском, Кушулевском, Сасыкульском, в больших количествах найдены бусы из разноцветного египетского фаянса в виде фигурок львов, жуков-скарабеев, людей, сделанные в мастерских римских колоний Средиземноморья.

Различные бронзовые пьяноборские украшения.

Реконструкция женского костюма по материалам Кушудовского могильника в Башкирии.

В одном из погребений Трикольского могильника найдено ожерелье из стеклянных грибовидных по форме бусин, точно таких же, как в сарматских курганах у села Бережновка и хутора Попова на Нижней Волге. Здесь же, в Трикольском могильнике, найдены обломки стеклянной чаши римского производства. И, наконец, очень часто в пьяноборских могильниках Камы и Нижней Белой находят бронзовые застежки-фибулы, сделанные мастерами древнего Боспора.

У сармат степного Поволжья пьяноборцы приобретали бронзовые и серебряные зеркала, из которых вырезали подвески и бляшки для украшения женской одежды.

В отличие от своих предшественников-ананьинцев, пьяноборские племена почти не импортировали оружия. Если не считать трех железных кинжалов сарматского типа (с навершием в виде кольца), найденных в Сасыкульском и Камышлытамакском могильниках, и великолепного меча с перекрестием, украшенным эмалевыми вставками, из Сасыкульского могильника, все остальное пьяноборское оружие (мечи, кинжалы, наконечники стрел и копий) было явно местного производства.

Впрочем, в это время у пьяноборцев не было ни необходимости в массовом приобретении оружия, ни возможности этого. Кочевники сарматы, издавна угрожавшие обитателям южных окраин леса и одновременно снабжавшие их новейшими образцами воору-

Скульптурный портрет пьяноборской женщины, восстановленный по черепу из Кушулевского могильника.

жения, уходят за добычей на запад, к границам Римской империи. В ответ на это пьяноборцы активно заселяют левобережье Нижней Белой. Здесь мы, начиная со II в. до н. э., находим и большие долговременные городища с мощным культурным слоем (Серенькино, Петертау), и (и это главное) — многочисленные и богатые могильники. В настоящее время в междуречье Ика и Белой, т. е. по самой кромке леса и степи, найдено 8 могильников пьяноборской культуры (Юлдашевский, Уяндыкский, Старокиргизовский, Трикольский и Кушелевский на Белой, Камышлытамакский в верховьях р. Сюнь, Урманавский и Сасыкульский на левом берегу р. Ик, в Бакалинском районе БАССР). Прижатые вначале к берегам р. Белой, на рубеже и в начале I тысячелетия н. э. пьяноборцы постепенно поднимаются вверх по течению рек Ика и Сюни, выходят на самую границу со степью, где и оставляют многочисленные городища, селища и могильники, поскольку Домоклов меч сарматского набега в это время им уже не угрожал. А если учесть, как бережно всегда и везде люди относятся к могилам своих предков, то появление пьяноборских могильников в непосредственной близости от степи наглядно свидетельствует о стабильности политической обстановки на южной окраине пьяноборской территории.

Об этом же говорит и степень вооруженности пьяноборского общества. Из более 1330 известных ныне по всем пьяноборским могильникам погребений только 17 процентов можно считать могилами воинов, причем одна с железными наконечниками стрел — явно женская (могильник Ныргында I в Удмуртии). Да и само качество пьяноборского оружия не идет ни в какое сравнение с оружием предшествующего времени. Большинство (64 процента) пьяноборских воинов были вооружены только луками и стрелами с костяными и железными наконечниками. Стрелы с бронзовыми наконечниками встречены только в наиболее ранних могильниках: Уяндыкском, Юлдашевском, Трикольском. 23 процента воинов были копейщики с короткими легкими копьями, очень немногие воины, помимо лука или копья, были вооружены еще боевыми однолезвийными ножами длиной 35—45 см, с вогнутым

лезвием. Таким ножом нельзя было ни колоть, ни рубить, но можно только наносить размашистые режущие удары. Кинжалов, в привычном для нас понимании, у пьяноборцев известно только 4 (из них три вышеупомянутых кинжала сарматского типа), а мечей — шесть: три в могильнике Чеганда II, два в Сасыкульском и один в Юлдашевском могильнике. Наверняка, на вооружении у пьяноборцев были пращи, поскольку на некоторых городищах (Серенькино, Чеганда и др.) были найдены небольшие каменные ядра.

В основном пьяноборское войско сражалось в пешем порядке, и только 9 процентов воинов можно назвать конниками (вместе с оружием в их могилах лежали предметы конской сбруи).

Тактика боя у пьяноборцев, судя по набору оружия, была довольно проста: обстрел противника из луков и пращей и прием его на копья. Впрочем, воевать им, видимо, приходилось немного, хотя система защиты своей территории, как мы увидим ниже, у них была разработана достаточно четко. Что же касается повседневной обороны поселений, то для пьяноборцев этот вопрос, надо полагать, остро не стоял. Во всяком случае, на валах пьяноборских городищ мы не находим никаких дополнительных укреплений: ни каменных обкладок, ни деревянных частоколов, ни даже глиняных «нашлепок», как у ананьинцев, но и рвы этих городищ использовались явно не по своему прямому назначению. Так, глубокий (до 2 м) ров городища Серенькино его обитателями был превращен в помойную яму и оказался битком набит костями животных, золой, черепками глиняной посуды и прочим мусором.

Такую же картину наблюдали мы во время раскопок городища Петертау и Новомедведевского. Естественно, отсутствие внешней опасности и сравнительно спокойная мирная жизнь отнюдь не способствовали возвышению социальной значимости воинов и военных вождей. В мирное время они ведь были просто-напросто не нужны, а содержать их за счет труда коллектива пьяноборцы так же, как и их предшественники не могли. Поэтому в пьяноборское время в лесах Прикамья и Нижней Белой мы не находим не только могильников военной знати, типа Новомордовского, с каменны-

ми стелами или Ананьинского, но и погребений, которые можно было бы трактовать как захоронения знатных воинов или военных вождей. Хотя в целом, конечно, пьяноборцы жили несколько богаче, чем их предшественники ананьинцы. Вероятно, за счет интенсивного торгового обмена. Достаточно сказать, что у пьяноборцев, помимо бронзовых и импортных стеклянных и фаянсовых, имелись и золотые украшения. В Юлдашевском, Трикольском, Старокиргизовском могильниках найдены височные подвески, вырезанные из тончайших листочков червонного золота или из свернутой в спираль золотой проволоки. А в одном из погребений Трикольского могильника (мужском) слева от черепа лежала небольшая литая листовидная золотая серьга. За золотом пьяноборцам, вероятно, приходилось ездить к своим восточным соседям, на Урал, где известны ближайшие к ним месторождения этого металла.

Общественный строй пьяноборского населения Камы и Нижней Белой существенных изменений, по сравнению с ананьинцами, не претерпел. Да это и понятно, поскольку основа социального бытия пьяноборцев оставалась прежней — скотоводство и охота, где, как известно, доминирующую роль играл труд мужчин. Следовательно, основу пьяноборского общества составлял патриархальный род, состоявший из 40—50 человек. На городищах Чеганда I, Ныргында II, Муновском II на Каме и Серенькино на Белой обнаружены остатки пьяноборских жилищ. Это были бревенчатые наземные дома площадью 40—55 кв. м, покрытые двускатной деревянной или лубяной крышей. Окон не было, в одной из торцовых стен был вход, слева от которого находились деревянные нары для сна, приподнятые над полом на 30—40 см. Посередине жилища, на земляном полу, находились очаги, иногда по два, чаще всего — один. Это были обычные большие костры, со всех сторон обставленные камнями. После нагрева эти камни долго сохраняли тепло и согревали жилище.

Для сохранения же тепла нижние венцы срубов жилищ укладывались в специально вырытые узкие канавки и снаружи засыпались землей. Несколько иную конструкцию имело жилище на городище Серенькино. Там основу его стен составляли деревянные столбы,

вертикально вбитые в землю на расстоянии 15—20 см друг от друга.

На городищах жилища располагались в два ряда, образуя улицу. Рядом с жилищами обнаружены многочисленные ямы-погребя для хранения продуктов. В каждом из таких жилищ могли одновременно жить по 20—25 человек, т. е. одна большая патриархальная семья, поэтому один род должен был селиться, как минимум, в 2—3 рядом стоящих домах. В этом пьяноборцы отличаются от своих предшественников — ананьинцев, у которых каждый род жил в одном большом жилище.

Хозяйственных застроек, типа амбаров, сараев или загонов для скота рядом с домами не было. Это также вполне понятно, поскольку скот, земля и урожай с нее находились в общей собственности рода. Пока трудно сказать, где пьяноборцы хранили свой урожай — весь ли в ямах, или были еще какие-то хранилища, более капитальные? Зато скот свой они круглый год содержали под открытым небом, в специально огороженных для этого участках поселений. Как, например, на Трикольском городище, где с внешней, напольной, стороны были насыпаны настолько слабые валы, что они не играли абсолютно никакой роли в обороне, но были достаточны в качестве загона для скота, для чего по вершине внешнего вала был пущен еще и плетень. Характерно, что между этими валами наблюдается довольно мощный (до 50—60 см) культурный слой, содержащий очень мало керамики и прочих остатков, т. е. который мог образоваться в результате длительного содержания на этом месте скота.

По площади пьяноборские городища разделяются на крупные (свыше 10 000 кв. м) и малые (2000—8000 кв. м). В низовьях Белой самыми крупными являются городища Серенькино (26 400 кв. м) и Петертау (18 200 кв. м), а на Каме, против устья р. Белой — Чеганда I (15 000 кв. м). А самым маленьким — городище Бурнюш в Краснокамском районе БАССР (2000 кв. м). По расчетам В. Ф. Генинга, на одно жилище в среднем приходилось до 1000 кв. м площади городища. Следовательно, можно думать, что на малых пьяноборских городищах, типа Бурнюш, Новомедведево, Шамметово, Якимовское I и II в Башкирии или Кухтинском и Суха-

ревском в Удмуртии одновременно могли жить по 2—3 патриархальных семьи или по одному роду. А на крупных городищах — до 8—10 родов.

Очень интересно расположение этих крупных городищ: на западе, в Прикамской Удмуртии, они полуукругом замыкают скопление пьяноборских памятников против устья р. Белой (городища Зуевы Ключи I, Ныргында I и Чеганда I), на востоке, на берегу р. Белой они (городище Петертау и Серенькино) с двух сторон замыкают систему левобережных городищ между устьями рек Сюнь и База, а на Ике Новомелькенское городище является как бы центром системы мелких пьяноборских селищ, расположенных по левому берегу этой реки. Таким образом, с какой бы стороны вы ни пытались проникнуть в пределы пьяноборской территории, естественно, выбирая для этого высокие, ровные и легко проходимые для коней и повозок участки коренного берега, вы неизменно в конце концов упретесь в укрепления крупных пьяноборских городищ, из-за которых за вами будут настороженно следить десятки глаз и вполне недвусмысленно поблескивать на солнце остро отточенные наконечники копий.

Расстояние и рельеф местности между этими городищами таковы, что позволяют очень легко установить зрительную связь и сигнализацию дымом или светом костров. Так, городища Петертау и Серенькино, между которыми лежит 11 км бельской поймы, великолепно просматриваются. Так же, как Новомелькенское на левом берегу р. Ик и Зуевы Ключи I на правом берегу р. Камы. Расстояние между ними по прямой — около 15 км. Связаться с закамскими и бельскими левобережными городищами (расстояние по прямой 50 км) через систему более мелких городищ, расположенных по берегам р. Белой на расстоянии 5—7 км, не представляет труда.

Так что любому противнику, вздумавшему напасть, например, на Серенькино, Петертау, Новомелькенское или любое другое пьяноборское городище, через очень короткий срок мог быть обеспечен фланговый, а то и с тыла, удар со стороны подоспевших по сигналу «боевой тревоги» соплеменников осажденных. Тем более, что пьяноборцы, у которых (как показывает произведенный специалистами-палеозоологами анализ костей

животных с некоторых городищ Камы и Белой) на втором месте по поголовью стояла лошадь, имели возможность в случае нужды преодолеть верхом за 1—2 часа 10—15 км, разделявшие их городища.

Короче говоря, система защиты своей территории у пьяноборцев была организована довольно четко, что могло иметь место только при соответствующей четкой общественной организации этого населения. Следует отметить, что по вопросу социальной структуры пьяноборского общества среди археологов единой точки зрения пока не существует. Большинство исследователей, занимающихся проблемами древней истории нашего края, считают, что в пьяноборскую эпоху обитатели Прикамья и Приуралья были объединены в союзы племен, и носители пьяноборской культуры составляли один из таких союзов. Некоторые археологи (В. Ф. Генинг, Б. Б. Агеев) предполагают, что пьяноборский племенной союз объединял до 9 племен, каждое из которых занимало определенную территорию по берегам больших и малых рек камско-бельского бассейна. Я не стану подробно излагать их концепции по вопросу социальной структуры пьяноборцев, а ограничусь только ссылкой на их труды, в частности на книгу В. Ф. Генинга «История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху» (ч. 1), где есть глава, посвященная этому вопросу. Мы придерживаемся несколько иной точки зрения.

Вспомним высказывание Ф. Энгельса о причинах образования союзов племен: «Союзы между родственными племенами заключались то там, то тут в случае временной необходимости и с ее исчезновением распадалась». Мы могли убедиться, что во время становления и расцвета пьяноборской культуры политическая обстановка в Приуралье отнюдь не была чревата войной, поскольку самый страшный враг оседлых племен — кочевники-сарматы уходят далеко на запад. Отношения пьяноборцев с их восточными соседями, как мы увидим дальше, были преимущественно мирными, равно как и с северными соседями, племенами осинской культуры в Среднем Прикамье, а низовья Камы и прилегающие районы Волги, как считают большинство исследователей, были в это время не заселенными, и отсюда опасность тоже не угрожала. Следова-

тельно, прямой необходимости создавать союз племен у населения Средней Камы и Нижней Белой не было.

Далее, едва ли все 9600 кв. км пьяноборской территории были заселены одновременно и все известные ныне пьяноборские поселения, могильники существовали и функционировали в одно и то же время. Так, например, могильники по рекам Сюнь и Ик (Камышлытамакский, Урманаевский, Сасыкульский) датируются, по периодизации В. Ф. Генинга, рубежом и началом I тысячелетия н. э., тогда как могильники по р. Белой представляются более ранними. Существует еще целый ряд факторов, мешающих рассматривать пьяноборскую культуру как союз родственных племен. Если считать каждую из территориальных групп пьяноборских памятников отдельным племенем, то получается, что каждое из этих племен жило в разных природных условиях: в верховьях Сюни, на среднем Ике, на Каме, против устья р. Белой — в лесостепи; по левобережью Белой, между устьями рек Сюнь и База — на краю степи и широкой бельской поймы, а на Быстром Таныше — в глухих лесах. Естественно, в таких условиях мы должны были бы наблюдать и разные типы хозяйства, обусловленные соответствующими природными условиями, но на самом деле этого нет, и хозяйство пьяноборцев представляется довольно однородным на всей территории их расселения. Далее, совершенно вне всякой логики оказывается расселение этих, якобы многочисленных пьяноборских племен. Получается, что племя в районе устья р. Сюнь жило на городищах (7 городищ и только два селища: у с. Новомедведево и на территории д. Новокиргизово) и очень скученно (на 10 км левого берега Белой — 7 городищ, селище, 4 могильника). Тогда как в низовьях Ика на 45 км левого берега приходится 2 городища, 1 могильник и 12 селищ, расположенных так, что от крайних западных неукрепленных поселков (Горно-Кулешевских II, III, Тойгузинского и Деуковского) до городищ (Усть-Мензелинского и Новомелькенского) самое малое — 20 км, а от крайнего восточного — Каламурзинского — 10—12 км. В случае внезапной опасности до спасительного укрытия не вдруг и доберешься.

Подобная же картина наблюдается и на Среднем Ике: от Урманаевского поселения и могильника до

ближайшего Куштиряковского городища — 12 км, а на Сюни от Камышлытамакского могильника и поселения до Умировского городища — 24—25 км. В то же время, на Каме, в районе бельского устья, напротив, на 25 км — 8 городищ, 12 селищ и 5 могильников, т. е. опять сильная скученность населения.

В известной степени соответствует «классическому» соотношению городища-селища памятники, расположенные по Нижней Белой в районе устья р. Шабыз в Татарии: городище Тат. Ямалы и 8 селищ в радиусе 4—5 км от него. Но дело в том, что площадь этого городища не превышает 1000 кв. м. Можно представить, что творилось на этом городище, если бы обитатели всех восьми селищ (как минимум 8 родов) бросились бы искать защиты за валами Тат. Ямалинского укрепления!

Таким образом, и эта группа памятников несет в себе только внешние, формальные, признаки племени, совершенно не отвечающие реальному положению вещей.

А теперь вновь обратимся к данному Ф. Энгельсом перечню признаков, характеризующих племя, где на первом месте стоит: «Собственная территория и собственное имя. Каждое племя владело, кроме места своего действительного поселения, еще значительной областью для охоты и рыбной ловли. За пределами этой области лежала обширная нейтральная полоса, простиравшаяся-вплоть до владений ближайшего племени...»

Теперь проверим, насколько так называемый «пьяноборский союз племен» соответствует этому определению? Выясняется, что не соответствует абсолютно. Если считать группы пьяноборских памятников территориями отдельных племен, то большинство из них, за исключением, может быть, самых крайних (на Каме и в междуречье рек Сюнь и База) оказываются в чрезвычайно бедственном положении по причине элементарного отсутствия «жизненного пространства». Ведь каждому, не то что племени, — родовому коллективу — нужна земля под посевы, луга для выпаса скота и охотничьи угодья. А по данным этнографии, известно, что даже у тех народов, где охота носила полупромысловый характер (коми), охотничьи угодья располагались, как правило, в радиусе 40—50 км от селенья.

А если так, то обитателям городища Петертау, например, приходилось бы ходить на охоту в район устья р. Белой или на р. Березовку, а то, возможно, и дальше, в леса по Танышу или Средней Сюни. То есть, в любом случае, если исходить из наличия племенного союза, на территорию соседних племен.

Едва ли, учитывая важную роль охоты в жизни пьяноборцев, подобные экскурсии «петертаусцев» радовали бы их соседей.

Ф. Энгельс выделяет еще такие характерные черты племени, как «особый», лишь этому племени свойственный диалект... общие религиозные представления (мифология) и культовые обряды», и другие. А крупный советский этнограф академик Ю. В. Бромлей, на основании высказывания Ф. Энгельса, приходит к выводу, что в конечном итоге племя — отдельная этнографическая общность. Иными словами, каждое племя — особый народ, со своим языком (диалектом), именем, территорией расселения, религией, хозяйственным и бытовым укладом. Следовательно, пьяноборский «племенной союз» должен был бы объединять до девяти очень малочисленных «народцев», родственных по крови, но различающихся между собой основными чертами своей материальной и духовной культуры.

Естественно, мы можем только догадываться о языке, на котором говорили пьяноборцы, но зато другие элементы их культуры, доступные для сравнительного анализа, достаточно наглядно свидетельствуют о хозяйственном, культурном и духовном единстве всех обитателей обширной пьяноборской территории. На всех поселениях пьяноборской культуры мы находим одни и те же формы круглодонных глиняных сосудов (горшков, мисок, чаш), вылепленных без гончарного круга и украшенных по верхней части пояском из круглых ямок или насечками.

Все пьяноборские воины и охотники были вооружены одинаковым оружием, и в первую очередь — луком и стрелами с костяными наконечниками в виде трехгранных пирамидок.

На Каме и Белой, на Ике и Сюни пьяноборские женщины носили очень похожие костюмы, основным украшением которых были кожаные нагрудники, с нашитыми на них бронзовыми литыми и прорезными ажур-

ными бляшками, широкие кожаные пояса, скреплявшиеся большими бронзовыми эполетообразными застежками. Голову они украшали кожаными венчиками с нашитыми на них литыми круглыми бляшками, а у висков, за пряди волос, прикрепляли по три — четыре подвески, литые или скрученные в виде спирали из тонкой медной или золотой проволоки. Все остальные украшения: мелкие круглые пряжки для обуви, браслеты, спиральные перстни, поясные накладки и подвески в виде гусиных лапок или трапеций, вырубленных из сарматских зеркал, также совершенно одинаковы на всей пьяноборской территории.

О единстве религии и идеологии свидетельствует погребальный обряд пьяноборского населения Камы и Нижней Белой. Своих умерших сородичей пьяноборцы хоронили на высоких речных берегах или просто возвышенностях, как правило, рядом с городищами: именно так расположены Юлдашевский (в 1,5 км от городища Петертау), Уяндыкский, Трикольский (в 300 м от вала городища Серенькино), Чеганда II, Муновский и другие могильники. Рядом с одноименными поселениями находятся Камышлытамакский, Урманаевский, Кушулевский могильники. В этом — первое отличие пьяноборских могильников от более ранних, ананьинских.

Пьяноборские могильники так же, как и ананьинские, грунтовые, т. е. никаких насыпей над могилами не сохранилось, и обнаружены эти могильники были случайно, в ходе различных земляных и строительных работ. Умерших, одетых в лучшую одежду, клали в узкие прямоугольные неглубокие ямы (современная глубина — 30—60 см.). Причем, руки у мужчин укладывались вдоль тела, а у женщин чаще подогнуты в локтях, и кисти уложены на таз, что также отличает их от ананьинцев.

Обращает на себя внимание ориентировка погребений по сторонам горизонта. На первый взгляд здесь может показаться какой-то разницей: на правом берегу Камы большинство захороненных лежат головами на восток, а на левобережье Белой — на восток, север и иногда — юг, что и было отмечено исследователями. Но это только на первый взгляд. Присмотревшись повнимательнее, мы убеждаемся, что у пьяноборцев, так

же, как и у их предшественников, в погребальном обряде немаловажную роль играла река. Ведь восточная ориентировка погребений в пьяноборских могильниках Прикамской Удмуртии (Чеганда II, Нырғында II) одновременно означает положение умерших головами в сторону Камы. А в низовьях Белой костяки в пьяноборских могильниках потому лежат головами на север или северо-восток, что их также ориентировали в сторону Белой (Кушулевский, Уяндыкский, Старо-Киргизовский, Юлдашевский). Интересно, что в Трикольском могильнике есть погребения, ориентированные и на север, и на восток. Но как раз в тех местах русло р. Белой делает петлю. И, наконец, большинство покойников, погребенных в Урманяевском и Сасыкульском могильниках, расположенных в ста километрах южнее Камы и Белой, также лежат головами на север.

Итак, подобно ананьинцам, пьяноборцы, вероятно, представляли себе путешествие души умершего в загробный мир по реке. Только в отличие от ананьинцев, которые хоронили покойного ногами и соответственно лицом к реке, пьяноборцы предпочитали класть своих умерших сородичей головой к реке, предполагая, что лицом они будут в сторону оставленного ими родного очага. Может быть, для того, чтобы уходящие лучше запомнили дорогу домой? Но это могло быть лишь в том случае, если от умершего не ждали никакого вреда, и наоборот, надеялись на его помощь и покровительство. Именно так, еще сравнительно недавно, в конце XIX—начале XX в., относились к своим покойникам удмурты (вотяки). Они считали, что души мертвых очень сильны и могут охранять скотину, давать счастье и удачу человеку, но зато в случае недовольства они не прочь наказать живых, посылая болезни на людей и скотину. И вот, чтобы не потерять расположение и дружбу покойного, удмурты не только устраивали ему богатые поминки на похоронах, но раз в год собирались на пиршество в честь умершего, куда обязательно приглашали его душу, которую потчевали и, вообще, старались всячески ублажать. Спрашивается, не уходят ли корни этого обычая в пьяноборское время? Не для того ли, чтобы душа покойного быстро и безошибочно нашла дорогу домой, его и хоронили лицом в сторону отчей земли? Эта сторона духовной жизни

пьяноборцев пока не выходит из сферы наших предположений.

Теперь мы знаем наверняка, что в целом духовный мир пьяноборцев был гораздо богаче и глубже, чем может показаться на первый взгляд. Яркий тому пример — стремление к символике и абстрагированию даже в таком важном деле, как погребение умерших сородичей. Подобно ананьинцам, пьяноборцы верили в очистительную силу огня. Но если в ананьинских могильниках мы находим погребения, «очищенные» так, что в них даже кости скелета начинали обугливаться, то в пьяноборских могилах чаще всего встречаются несколько угольков, оставленные, вероятно, чисто символически брошенной туда головней. Отправляя покойника на тот свет, ананьинцы снабжали его пищей, причем, в довольно изрядных количествах (емкость найденных в могилах сосудов подчас достигает двух — трех литров). Пьяноборцы тоже иногда ставили в изголовье могилы... маленькую, не более стакана, глиняную чашечку с жидкой пищей.

Естественно, ни у одного, даже самого закоснелого в грубости и жестокости человека, не поднимется рука ограбить покойника. Поэтому в женских могилах мы, как правило, находим полный набор украшений, носимых ими при жизни. Даже иногда еще какие-то дополнительные подношения от родных и близких. Так, в могильнике Чеганда II встречаются женские погребения, в которых помимо украшений, найдены богатые пояса с бронзовыми или костяными накладками, уложенные рядом с покойным или у него в ногах.

Зато с оружием и орудиями труда пьяноборцы поступали весьма рационально. Железных орудий труда, кроме маленьких ножей, в могилах мы совершенно не находим. Оружие есть (куда же мужчине, охотнику и воину без оружия!), но в количестве, явно не соответствующем реальной жизни. Правда, стрел с костяными наконечниками клали много: десять — двенадцать, иногда двадцать и более. Их не жалко, каждый мог сам себе наготовить сколько угодно. А вот бронзовые и железные расходовали экономно и в могилу, опять-таки символически, клали не более 3—5, а то и вообще — одну. И покойный «вооружен», и основной запас стрел остался при деле. А строители Сасыкуль-

ского могильника поступили еще рациональнее: между могилами двух воинов закопали прямой однолезвийный меч-палаш, вероятно, рассудив, что на том свете таким дорогим оружием можно пользоваться и по очереди.

Духом символизма целиком пронизано и изобразительное искусство пьяноборцев, дошедшее до нас, говоря современным языком, в двух жанрах: декоративно-прикладном (бронзовые украшения) и мелкой пластики (глиняные статуэтки людей и животных).

Орнамент, украшающий пьяноборские бронзовые изделия, весь геометрический и состоит из различных сочетаний треугольников, спиралей, окружностей и зигзагов, а на эполетообразных застёжках обязательно встречаются еще и изображения крученого шнура.

Очень интересно бывают украшены глиняные пряслица: спиральями, окружностями, зигзагами и многолучевыми звездами, вероятно, символизирующими солнце. Но в целом, расшифровка пьяноборского орнамента — дело будущего, и очень важное, поскольку прочтение заложенной в элементы орнамента информации неизмеримо расширило бы наши знания о духовной жизни и внутреннем мире наших далеких предшественников. В отличие от ананьинцев пьяноборскому изобразительному искусству совершенно чужд звериный стиль. Если не считать импортных бусин в виде львов и жуков-скарабеев и бронзовой бляхи с изображением трех львов, охотящихся за козлом, из Муновского могильника, весь пьяноборский «звериный стиль» представлен глиняной головкой лошади с городища Серенькино и костяной накладкой с изображением рыбьих голов на концах из Старокиргизовского могильника. Но это, в общем-то, вполне объяснимо, поскольку звериный стиль ананьинского изобразительного искусства, во многом заимствованный с юга, от кочевников скифо-савроматского мира, был обусловлен сложной политической обстановкой того времени, когда постоянные перемещения племен сопровождалась войнами за новые территории, а войны нуждались в поддержании воинственного духа соплеменников, что и достигалось, как и во все времена, средствами искусства.

В пьяноборскую эпоху, эпоху относительной политической стабильности, искусство звериного стиля, построенное на сценах борьбы хищников или сценах терзания хищниками травоядных животных, в Приуралье отмирает. Но по-прежнему сохраняется искусство глиняной антропоморфной скульптуры (изображения фигурок людей). Такие схематичные и очень условные фигурки, изображающие женщин в богато украшенных одеждах, найдены на Чегандинском, Новомедведевском, Уяндыкском и Серенькином городищах. Обнаружены они возле очагов, и также, по-видимому, изображают покровительниц домашнего очага.

Итак, погребальный обряд, набор основных украшений, форма и манера украшения глиняной посуды, размещение поселений и другие элементы пьяноборской культуры своей идентичностью на всей территории этой культуры явно говорят о том, что пьяноборцы составляли одно многочисленное и богатое племя, занимавшее в конце I тысячелетия до н. э. — начале I тысячелетия н. э. обширный район Среднего Прикамья, в равной степени удобный как в стратегическом, так и в экономическом отношении.

Расположенные на высоких берегах Камы и Нижней Белой, пьяноборские городища контролировали перекресток двух важных водных магистралей Урала, связывающих лесное Приуралье со степным Поволжьем и Причерноморьем. В то же время, сами пьяноборцы имели хорошую возможность водным путем поддерживать торговые отношения и с кочевниками степи, и с лесными скотоводами, и охотниками Верхней Камы, и с сидящими вокруг медных рудников племенами Южного Приуралья. Выгодное стратегическое положение укрепленных поселений обеспечивало пьяноборцам дружбу со стороны лесных и степных племен, поскольку и те и другие были в равной степени заинтересованы в торговом обмене друг с другом, а в любом случае миновать заселенный пьяноборцами район устья р. Белой им было невозможно. Вероятно поэтому из многих сотен исследованных пьяноборских погребений мы почти не имеем захоронений с явными следами смерти в бою.

Численность пьяноборцев была где-то в пределах 5000 человек. Это как раз соответствует тому факту,

что далеко не все известные нам пьяноборские поселения существовали одновременно (в противном случае численность пьяноборцев следовало бы увеличить примерно в 2 раза). Близкие по численности племена засвидетельствованы этнографами в Северной Америке (индейцы тлинкиты — около 6000 человек), а племена остяков и самоедов западно-сибирской тайги в XVII в. насчитывали от 550—600 до 1200—1500 человек. Плотность пьяноборского населения составляла 1 человек на 2 кв. км. Это чуть больше плотности населения якутов и бурят в XVII в. (1 человек на 3 кв. км), занимавшихся сходными видами хозяйства — охотой и лесным скотоводством.

И, наконец, следует иметь в виду, что обилие пьяноборских поселений на Каме и в низовьях р. Белой совсем не обязательно означает большую численность оставившего их населения. Скорее всего — это свидетельство относительной подвижности пьяноборцев. Пример тому — жившие в сходных природных условиях северо-американские индейцы-ирокезы. Занимаясь, как и пьяноборцы, подсечно-огневым земледелием, ирокезы обрабатывали расчищенные в лесах участки до полного истощения почвы. После этого их забрасывали и очищали от леса новые поля. Места своих селений ирокезы меняли через 10—15 лет. Естественно, такой короткий отрезок времени на археологическом материале проследить невозможно. Но вот что характерно: почти все известные пьяноборские селища и городища имеют толщину культурного слоя 20—40 см. Археологи же института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР в центре города Уфы (на ул. Крупской) наблюдали такую картину: построенные в начале XX века деревянные дома к настоящему времени «вросли» в землю более чем на 40 см. Иными словами, за время существования этих домов вокруг них отложился культурный слой мощностью в 40 см. А ведь хозяева этих усадеб содержали свои дворы в чистоте едва ли хуже, чем пьяноборцы свои поселки.

При общих хронологических границах пьяноборской культуры в более чем 400 лет (с III—II вв. до н. э. по II в. н. э.), время существования большинства пьяноборских селищ и малых городищ представляется порядком нескольких десятилетий, а их обилие может быть

объяснено только периодическим перемещением населения с места на место, на новые пашни и угодья.

Дальнейшая судьба племени пьяноборцев, по имеющимся в распоряжении археологов данным, представляется так. В III—IV вв. н. э. самостоятельный процесс развития местного населения Прикамья был нарушен вторжением угорских и самодийских (а по мнению некоторых археологов — и тюркских) племен под напором гуннов, переселившихся сюда из Западной Сибири. Пришельцы узкой полосой прошли по бассейну Средней Белой и по Каме, ударив, таким образом, по пьяноборцам с юга и юго-востока. Памятниками их пребывания в Приуралье являются курганные могильники у сел Салихово, Ахмерово в Ишимбайском районе БАССР, на территории г. Уфы, могильники Качка и Бродовский на Средней Каме и др. Вероятно, под натиском пришельцев часть пьяноборцев уходит со своей исконной территории в волго-вятское междуречье, где оседает и образует новую культуру, получившую в науке название азелинской. Во второй половине I тысячелетия н. э. живущие по Волге азелинцы участвуют в сложении марийского народа. Но основная масса пьяноборцев все-таки удерживается в низовьях р. Белой и в последствии, вероятно, не без внешнего этнокультурного воздействия, дает основу для формирования нового населения — носителей бахмутинской археологической культуры, в I тысячелетии н. э. расселившихся по всему бельско-уфимскому междуречью.

Загадки караабызцев

В эпоху раннего железа наиболее удобный и надежный путь из Поволжья и Прикамья на Урал, к подножию Рифейских гор, пролегал по Белой. Поднимаясь вверх по реке, путник пересекал территорию племени пьяноборцев и, миновав Дюртюлинское и Маядыкское городища, оказывался за пределами пьяноборского гостеприимства и защиты. Впереди, на 70 км по петляющему руслу Белой, простирались «ничейные» земли, где теряли свою силу священные законы гостеприимства как для тех, кого путник оставил за спиной, так и для тех, к кому он плыл. Так что нашему путешественнику оставалось только не скупиться на жертвы своим богам, да из предосторожности держаться ближе к середине реки. Но вот через 4—5 дней плавания сквозь мягкий плеск бельской воды до ладьи начинают долетать отдаленный лай собак, а ветерок с востока доносит и запах дымка, говорящий о близости людей. Еще немного, и за поворотом, по левую руку от путника, открывается устье небольшой тихой речушки, а над ним, на узком высоком мысу — городище, ныне известное нам как Бирское или Чортово.

Это городище — крайнее северо-западное поселение племени I тысячелетия до н. э. жившего на правобережье Средней Белой (Гафурийский, Иглинский, Уфимский, Благовещенский и Бирский районы БАССР) и оставившего нам памятники, вошедшие в науку под именем караабызской культуры.

А названа она так была известным советским археологом А. В. Шмидтом, в 1928 г. производившим раскопки на городище, расположенном недалеко от ны-

нешнего г. Благовещенска, на берегу озера Кара-Абыз. К тому времени на Каме и в низовьях р. Белой уже были известны ананьинская и пьяноборская культуры, а в степях Южного Приуралья — савромато-сарматская. Но находки, собранные А. В. Шмидтом на городище Кара-Абыз, и особенно глиняные сосуды, не были похожи ни на ананьинские, ни на савромато-сарматские. Зато, как заметил А. В. Шмидт, они очень напоминали материал Уфимского (Чортова) городища и могильника, раскопанных в 1911—1913 гг. профессором Верой Владимировной Гольмстен на окраине г. Уфы (ныне район санатория «Зеленая роща»). Чтобы отделить эти памятники от ананьинских и пьяноборских, А. В. Шмидт и объединил их под названием «Караабызской» или «уфимской» культуры.

Но затем, вплоть до середины 60-х годов, между археологами начались нескончаемые споры о том, можно ли караабызскую культуру считать особой, самостоятельной археологической культурой, или это был восточный вариант ананьинской или пьяноборской культуры. Многолетние исследования и раскопки уфимского археолога А. Х. Пшеничнюка на памятниках правобережья Средней Белой (могильниках и городищах у сел Охлебинино и Шипово в Иглинском районе, на поселениях Дудкино и у разъезда «Воронки» на территории г. Уфы, на могильнике и городище у с. Новобиктимирово в Бирском районе и других) положили конец спорам и окончательно утвердили за караабызцами право на самостоятельную историю.

А история их была сложной и достаточно богатой бурными событиями. Для того, чтобы понять, как и откуда караабызцы появились у самого подножия Рифейских гор, нам предстоит вернуться в середину I тысячелетия до н. э., в эпоху самого расцвета раннеананьинской культуры Волго-Камья.

...Год до нашей эры 514-й. Далеко на юге, в степях Северного Причерноморья, полыхает зарево «странной» скифо-персидской войны, начатой, на свою голову, персидским царем Дарием. Степь, что море. Где-то далеко за горизонтом ревет и бушует буря, а волны бьют о берег у самых ваших ног. Степь клочкотала и волновалась. Крутятся вокруг персидского войска, скифы царя Иданфирса задевали и поднимали с наси-

женных мест многочисленных обитателей степи. Те передавали этот толчок дальше и дальше, вплоть до кромки средневожских лесов, по которой были густо низаны поселения ананьинцев.

Возможно, что сами скифы, благополучно изгнав за Истр (Дунай) остатки персидского войска, успели уже к тому времени успокоиться, когда встревоженные всеми этими событиями ананьинцы поднялись и двинулись вверх по Каме на Вятку и Белую, а часть — на север, на Ветлугу. Во всяком случае, к концу VI в. до н. э. на всех раннеананьинских поселениях Средней Волги и Нижней Камы жизнь прекращается. Переселение части ананьинцев из Среднего Поволжья в Приуралье явилось, образно говоря, струей масла в затухающий было костер этнических коллизий и перемещений, происходивших в этом районе в конце II — начале I тысячелетия до н. э.

В общих чертах это выглядело так: начавшиеся во второй половине II тысячелетия до н. э. в Зауралье и Западной Сибири климатические изменения, сопровождавшиеся нарушением экологического равновесия, по мнению доктора исторических наук М. Ф. Косарева, вызвали массовый уход лесных племен охотников и скотоводов на юг, в лесостепь. Часть из них, носители т. н. «черкаскульской культуры», по своему происхождению — угры, по системе уральских рек переваливает через Урал и довольно плотно заселяет берега р. Белой, от устья до южной излучины, а также низовья Камы и Ика. Уфимский археолог М. Ф. Обыденнов, занимающийся проблемами черкаскульской культуры, считает, что появление черкаскульцев на территории нашего края произошло не ранее XI в. до н. э.

Если в бассейне Средней Белой положение пришельцев было сравнительно стабильным, то на Нижней Белой, и особенно в низовьях Камы, им пришлось столкнуться с местным населением, скотоводческо-земледельческими племенами приказанской культуры. В результате смешения и взаимной ассимиляции двух групп населения в районе устья р. Белой начала формироваться очень своеобразная археологическая культура, сочетающая в себе местные прикамские и привнесенные зауральские черты.

Но в самом начале I тысячелетия до н. э. этот процесс был прерван второй волной пришельцев, теперь уже с севера, из лесов Среднего Прикамья. Говоря о причинах сложных этнических перемещений в Приуралье, не следует забывать, что изменения климата, охватившие Западную Сибирь и Зауралье, не ограничивались уральскими горами и в равной степени имели место и в Приуралье. И поэтому, на рубеже двух тысячелетий, этнические процессы к востоку и западу от Уральского хребта развивались сходными путями, с той лишь разницей, что на западе из прикамской тайги в начале I тысячелетия до н. э. выходят носители тоже охотничье-скотоводческой культуры, характерным элементом которой являются глиняные круглодонные сосуды, украшенные пышным орнаментом в виде зигзагов, перекрещивающихся линий, треугольников и т. д., выполненным оттиском крученого шнура. В отличие от средневожских ананьинцев мы их условно называем среднекамскими ранними ананьинцами. Дальше устья р. Белой среднекамские ананьинцы по Каме не пошли (или их не пустили), а, остановившись здесь, начали постепенно осваивать и берега Нижней Белой. Осевшие в районе бельского устья, пришельцы (Быргындинское, Нырғындинское, Каракулинское поселения в Удмуртии, поселение на Ананьинской дюне в Татарии, поселение Кюнь I в Башкирии и др.) сыграли роль клина, на две части расколовшего сложившуюся было общность камско-бельского населения. Большая часть осталась на Нижней Каме и Волге и впоследствии развилась в культуру средневожских ананьинцев. Меньшая, гонимая среднекамскими ранними ананьинцами, ушла вверх по Белой в Приуралье (поселения Дуванейское в Благовещенском районе, Нижний Тюкун, Курмантаевское и имени краеведа М. И. Касьянова у д. Михайловка в Гафурийском районе БАССР, могильник в с. Урняк Стерлитамакского района и другие памятники). Исследуя эти памятники, многие из которых расположены вокруг горы Курмантау в Гафурийском районе БАССР, известный советский археолог К. В. Сальников объединил их в курмантаевскую археологическую культуру.

В процессе своей колонизации бассейна р. Белой среднекамские ананьинцы, в буквальном смысле сло-

ва, зашли довольно далеко (Тартышевское поселение в Уфимском районе), оставив курмантаусцам лишь узкую полоску территории правобережья Средней Белой, с востока ограниченную отрогами Урала, а с запада — руслом р. Белой, за которой сразу же начинались степные савроматские кочевья. На этом-то «пятачке», в очень сложных экономических и политических условиях, курмантаусцы доживают до середины I тысячелетия до н. э., оставив нам богатые коллекции великолепной керамики, украшенной резными «елочками», «флажками», зигзагами, ромбами и круглыми ямками, один-единственный пока Урнякский могильник, остатки длинного наземного дома с каменным основанием на поселении имени Касьянова и несколько бронзовых и железных предметов оттуда же. Естественно, при таких экстремальных условиях от курмантаусцев трудно было бы ожидать какого-либо заметного следа в этнической истории Приуралья. И поэтому, когда на рубеже VI—V вв. до н. э. по р. Белой снизу вверх прокатывается волна теперь уже потомков средневожских ананьинцев — ранних караабызцев, она окончательно смывает курмантаусцев с этнической карты Южного Урала.

Освоившись на новой территории, пришельцы растворяют в своей среде или изгоняют в глухие горные районы последних представителей курмантауских племен (археологически это прослеживается в полном исчезновении с поселений правобережья р. Белой сосудов, украшенных пышным орнаментом), а на освободившихся землях, следуя привычной, принесенной с берегов Волги и Камы традиции, возводят густую цепь городищ, очень удачно для этого используя мысы высоких террас правого берега Белой. Звеном, замыкающим эту цепь с юга, можно считать Табынское городище (в окрестностях с. Табынского Гафурийского района БАССР), а северным — Охлебининское городище (Акташ) в устье р. Сим.

Следует, однако, подчеркнуть, что основной исследователь караабызских древностей А. Х. Пшеничник придерживается несколько иных взглядов на происхождение караабызской культуры. По мнению ученого, караабызцы — народ сугубо местный, приуральский, сложившийся на основе ананьинских племен, в

VIII—IV вв. до н. э. живших на берегах Средней Белой. (т. н. «бельский вариант ананьинской культуры»). А их прямыми предками, в свою очередь, были носители культуры курмантау, о которой у нас речь шла выше.

Кто из нас прав — покажут будущие исследования. Мы придерживаемся твердого убеждения, что замкнутая на небольшой территории, в довольно суровых природных условиях, курмантауская культура в силу исторической логики не могла стать основой для такой яркой и богатой культуры (в чем мы ниже убедимся), какой, по данным археологии, предстает перед нами культура караабызцев.

Весьма примечателен тот факт, что ранние караабызцы, по всей видимости, довольно остро ощущали географическое своеобразие своей новой родины, расположенной на самой границе с враждебной кочевой степью. И поэтому, чем дальше на юг по течению р. Белой они продвигались, тем больше сил и энергии тратили на защиту своих поселений. Так, Воскресенское городище, и без того расположенное на вершине труднодоступной одноименной горы в 2 км к северо-западу от с. Табынского, было еще дополнительно защищено тройной системой рвов и валов, а Касьяновское городище, находящееся на одном из отрогов горы Курмантау, восточнее деревни Михайловки, — рвом и валом, внешний склон которого оказывается облицован крупными камнями, скрепленными глиняным раствором. Наконец, по вершине вала Михайловского городища (бывшая окраина д. Михайловки) шел деревянный частокол, впоследствии сгоревший.

В то же время по течению р. Белой мы раннекараабызских городищ не знаем, но нам известно несколько больших поселений, хотя и расположенных на высоких береговых террасах, но не укрепленных: «Воронки» и Черниковское на территории г. Уфы, Бирское, Новобиктовское в Дюртюлинском районе БАССР.

Условия, в которых складывалась жизнь ранних караабызцев в Приуралье, скажем прямо, были отнюдь не благоприятными. Начать хотя бы с того, что раннекараабызские роды в бассейне р. Белой не составляли единого племенного массива. Разделенные обширной низменной и местами заболоченной бельско-симской пой-

мой раннекараабызские поселения бассейна р. Белой составляли как бы две группы, одна из которых (северо-западнее устья р. Сим) характеризуется преобладанием неукрепленных поселений, а другая — хорошо защищенными городищами Гафурийского района. Обитатели последних, имея своими ближайшими соседями кочевников сармат-прохоровцев, не менее воинственных, чем их предки — савроматы, были вынуждены в своей хозяйственной деятельности ограничиваться узкой территорией между поймой р. Белой и западными склонами Уральского хребта. Для этого района и по сей день характерна относительно умеренная роль земледелия в сельском хозяйстве, а в те далекие времена заниматься им здесь практически было вообще невозможно. Поэтому не случайно при раскопках поселений Гафурийского района археологи находят огромное количество костей диких и домашних животных и ни одного предмета, указывающего на занятие земледелием. Более того, проведенный специалистами анализ костей животных показал, что ранние караабызцы Приуралья разводили преимущественно мелкий рогатый скот (в среднем 54 процента всех домашних животных) и лошадей (30 процентов). Коровы и свиньи в общей сложности составляли менее 15 процентов всего стада. Эти данные привели А. Х. Пшеничнюка к выводу о том, что караабызское население бассейна р. Белой преимущественно занималось полукочевым скотоводством, «...так как эти виды животных (лошади и овцы. — В. И.) значительную часть зимы могут добывать корм тебеневкой, т. е. из-под снега». Возможно, необходимостью постоянных периодических перекочевок объясняется и тот факт, что караабызские городища Гафурийского района по площади своей сравнительно небольшие: Касьяновское — 1750 кв. м, Михайловское — 1242, Воскресенское — 2000.

Сейчас мы пока не можем дать бесспорного объяснения причин этой особенности хозяйства караабызских племен, заметно отличающей их от всех остальных обитателей лесного Приуралья эпохи раннего железа. Например, А. Х. Пшеничнюк полагает, что на скотоводческое хозяйство караабызцев, помимо географического своеобразия их территории, заметное влияние оказали кочевники южноуральских степей.

Окружавшие карабызские поселения леса (а данные почвоведов говорят о том, что в древности граница между приуральскими лесами и степью проходила как раз по руслу р. Белой), естественно, создавали самые благоприятные условия для охоты. Тем более, что этот род занятий для племен Среднего Поволжья, Прикамья и Приуралья являлся исконным и традиционным, и карабызцы, в данном случае, не были исключением. Не составляли они исключения и в плане ассортимента промысловых животных, предпочитая, подобно своим северо-западным соседям — ананьинцам, а затем пьяноборцам Прикамья и Нижней Белой, в первую очередь добывать пушных зверей. Поэтому среди костей диких животных, найденных на карабызских поселениях, кости пушного зверя, в частности бобра, составляют большинство. И, конечно же, охотились карабызцы на лося, кабана, косулю и других «мясных» животных.

Продвигаясь вверх по течению р. Белой, ранние карабызцы на первых порах несли с собой элементы материальной и духовной культуры, воспринятые от их средневожских и нижнекамских предков. И поэтому в оставленных ими на берегах Белой немногочисленных могильниках: по улице Трактовой в г. Уфе, исследованном в 1950 г. археологом Р. Б. Ахмеровым, и на окраине деревни Шипово в Иглинском районе, открытом и исследованном в 1978 году А. Х. Пшеничнюком (Старший Шиповский могильник), мы находим те же, что и в раннеананьинских могильниках Волго-Камья бронзовые топоры-кельты, наконечники стрел и копий, бляшки, украшения конской сбруи и другие предметы. И своих умерших сородичей они хоронили, подобно ананьинцам, в неглубоких могилах, ногами к реке. А на поселениях мы находим сосуды тех же форм и украшенных тем же орнаментом (поясок крутлых ямок, насечки, оттиски зубчатого штампа), что и на средне-вожских поселениях.

Кстати сказать, со своими могильниками ранние карабызцы задали археологам до сих пор неразрешенную задачу. Дело в том, что на территории Гафурийского района БАССР нам известно 5 раннекарабызских городищ с богатым культурным слоем и ни одного могильника. Поиски могильников, проведенные первым

исследователем «гафурийских поселений» Г. В. Юсуповым, затем А. Х. Пшеничнюком и автором этих строк, так и закончились неудачей. И причина, по всей вероятности, кроется не только «в полуподвижном» образе жизни ранних караабызцев, но и в традиции, опять же привнесенной с Волги. Вспомним: вокруг Старшего Ахмыловского могильника расположен целый «куст» раннеананьинских поселений, обитатели которых сообщество использовали это кладбище для погребения своих сородичей.

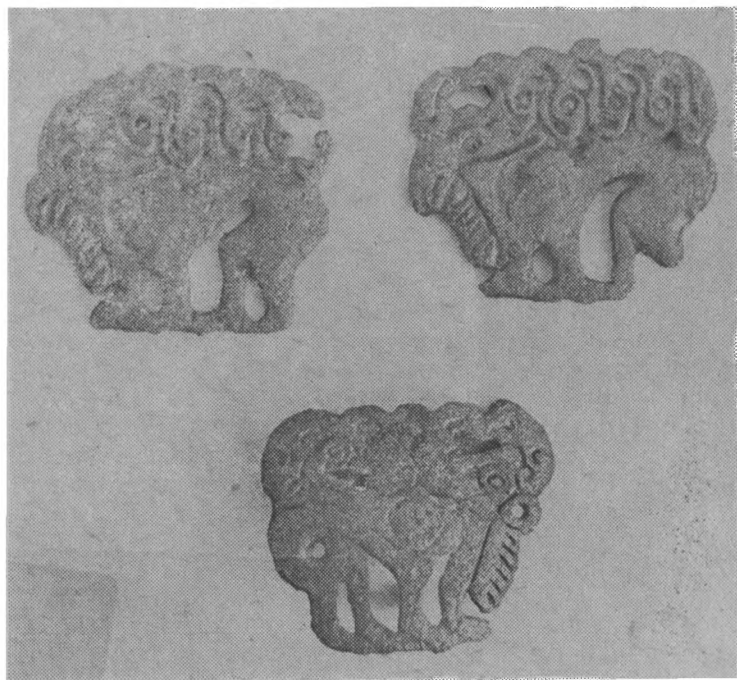
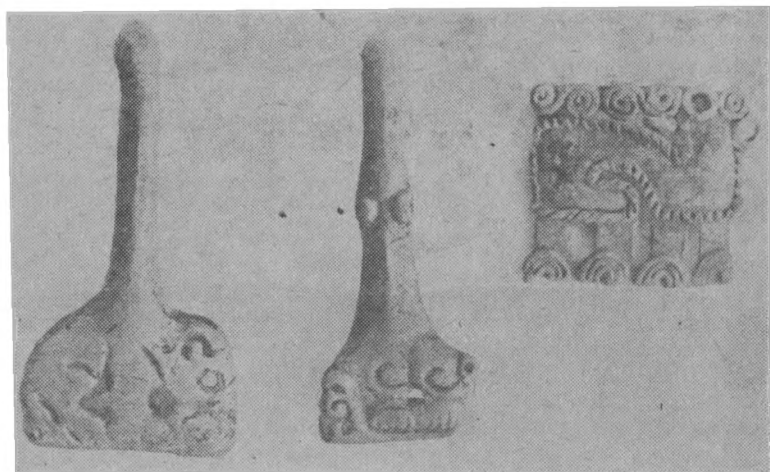
В сорока километрах к северу от «гафурийских» поселений, в устье р. Сим, на вершине высокого плато Акташ находится Охлебининский могильник (по селу Охлебинино), открытый в 1964 г. студентами Башгос-университета и на протяжении ряда лет изучаемый А. Х. Пшеничнюком. И хотя основная масса открытых на могильнике погребений датируется рубежом нашей эры, но среди них встречаются и более ранние, IV—III вв. до н. э. Не исключено, что при дальнейших раскопках (а на сегодняшний день исследовано менее 10 процентов всей площади могильника) будут выявлены и еще более ранние. Рядом с этим могильником находятся два городища: I Охлебининское (Толпак) и II Охлебининское (Акташ). Но культурный слой первого весьма беден, а материал второго относится к более позднему времени (хотя там и найдена небольшая коллекция раннекараабызских сосудов).

Таким образом, вероятно, следуя раннеананьинской традиции, караабызцы и на Белой создали себе племенной некрополь, куда и свозили своих покойников. Тем более, что высокое и трудно доступное со стороны степного левобережья Белой плато Акташ, с которого открывается величественный вид на холмы и поймы бельско-симской долины, как бы самой природой было создано для того, чтобы стать племенной святыней. И, кстати, 80 процентов ранних погребений совершены по ананьинскому обряду, т. е. умершие лежали в простых грунтовых ямах, вытянуты на спине, ногами в сторону реки. Перекликаются с ананьинскими и вещи, положенные в ранние погребения: бронзовые 8-образные подвески, гривны, браслеты, подвески-колокольчики, поясные крючки в виде фигур животных, наконечники стрел, кельты.

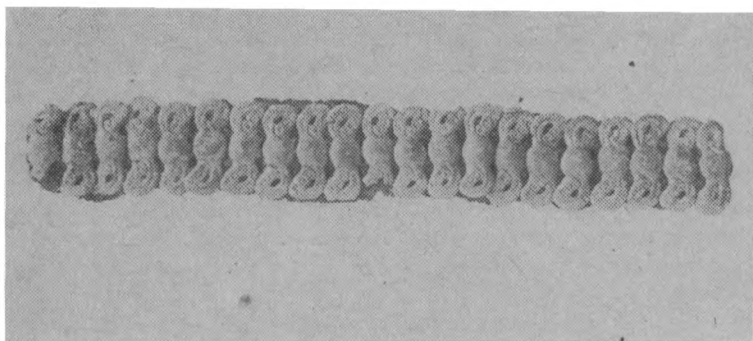
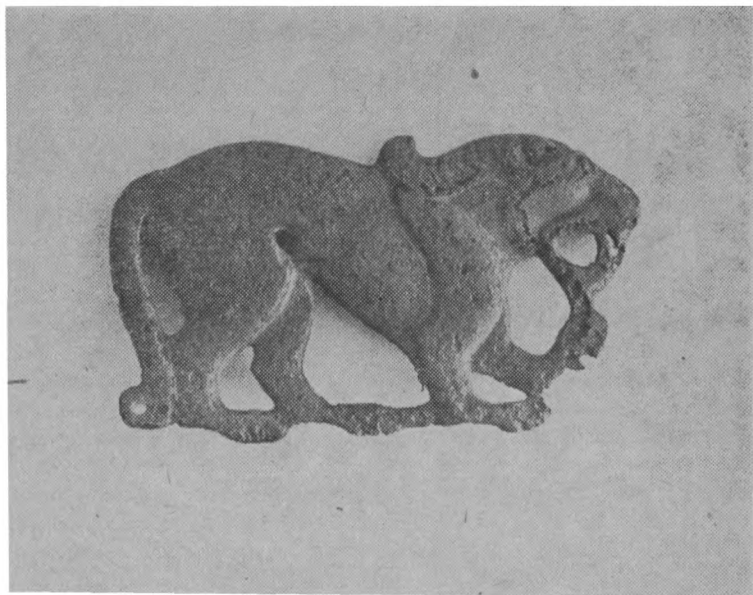
Однако спокойная жизнь караабызцев (конечно, если можно назвать спокойной жизнь, полную забот, лишений и непрестанной борьбы с не очень щедрой на дары Уральской природой) закончилась сравнительно быстро. Уже в IV в. до н. э. в Приуралье, на правобережье Средней Белой, появляется новое население, для которого были характерны сосуды, вылепленные из глины с примесью толченой слюды или талька и имевшие шейку со своеобразным утолщением изнутри. Поскольку эта керамика в массе своей впервые была найдена Г. В. Юсуповым в 1953 г. на упомянутых выше поселениях Гафурийского района БАССР, то у археологов она получила условное название «сосуды гафурийского типа», а население, эти сосуды изготавливавшее, стали называть «гафурийскими племенами».

История, культурная и этническая принадлежность «гафурийских племен» до сих пор археологами рассматривается по-разному. Например, поскольку сосуды, подобные «гафурийским», часто встречаются в курганах сарматской (прохоровской) культуры Приуралья, археологи-сарматоведы (К. Ф. Смирнов, М. Г. Мошкова, М. Х. Садыкова) считали, что «гафурийцы» — это группа сармат, по каким-то причинам перешедших к оседлому образу жизни. По мнению А. Х. Пшеничнюка, «гафурийцы» — пришедшие из Зауралья угры, а В. Ф. Генинг связывает их появление в Приуралье с приходом сюда с берегов Аральского моря группы массагетских племен.

В настоящее время вопрос о прародине и исходной территории «гафурийских» племен остается открытым. Ясно только, что, во-первых, на берегах р. Белой они появились не ранее IV в. до н. э., и второе — вместе с ними в Приуралье проникают предметы материальной культуры племен, в эпоху раннего железа населявших юг Западной Сибири. Особенно показательна в этом плане коллекция вещей, собранная А. Х. Пшеничнюком в результате раскопок могильника у д. Шипово Иглинского района БАССР. Здесь мы находим украшения одежды (бронзовые подвески-колокольчики, накладки, бляшки в виде львов и оленей) и предметы конской сбруи (удила и псалии) точно такие же, что и в могильниках эпохи раннего железа Верхнего Приобья и Минусинской Котловины (тагарская, кулайская

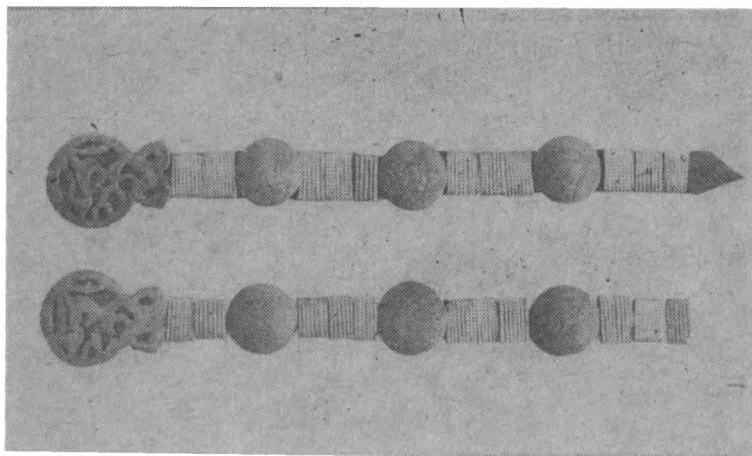
Бронзовые поясные застёжки и зооморфные бляхи.

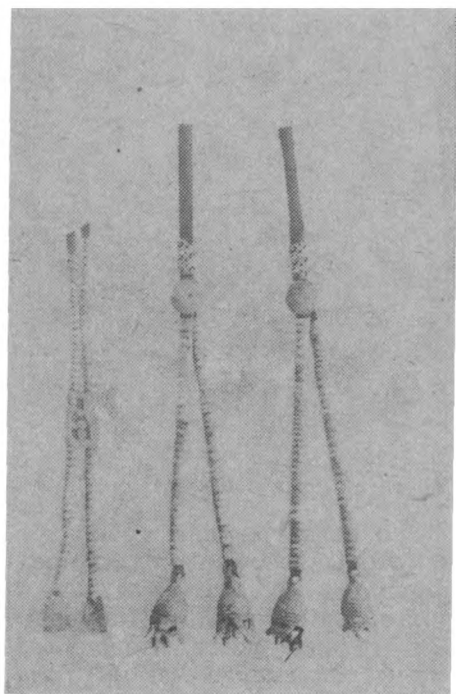
Бронзовая бляха и фрагмент пояса с накладками.

культуры). Эти факты явно подтверждают точку зрения тех исследователей, которые склонны искать предков «гафурийцев» в Сибири.

Так что же произошло после прихода в Приуралье «гафурийских племен»? Прежде всего, пришельцы столкнулись с обитателями раннекараабызских поселений Гафурийского района и, надо полагать, изгнали

Женские украшения караабызского костюма.

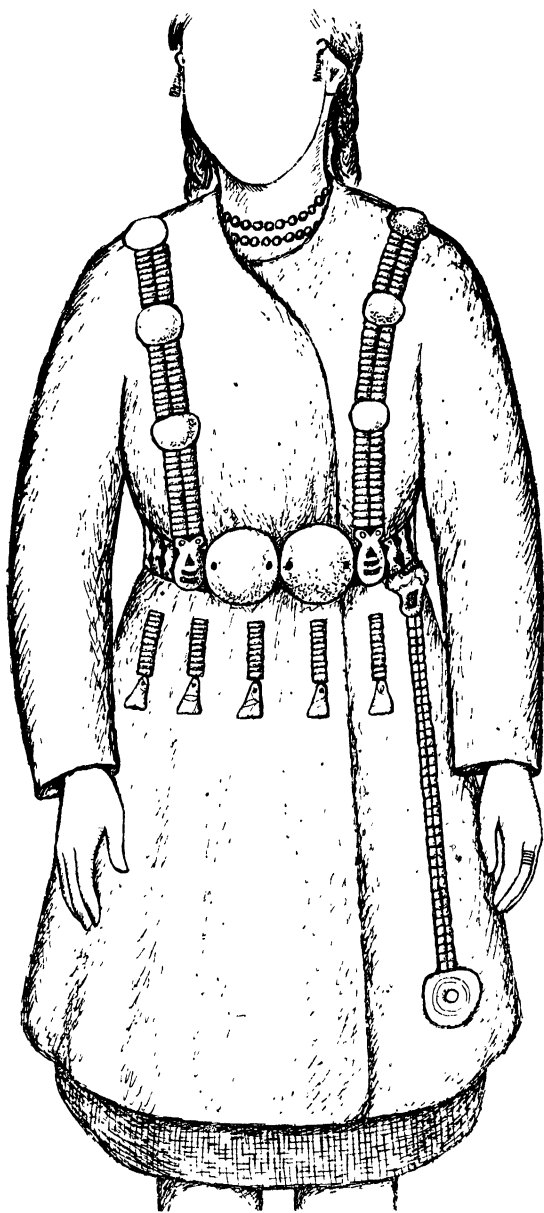
их с насиженных мест. Мы не знаем в тонкостях, как это происходило, но зато можем с уверенностью сказать, что жизнь на Касьяновском, Михайловском, Воскресенском городищах прервалась сравнительно внезапно. А на Михайловском городище даже обнаружены следы пожара, уничтожившего деревянный частокол на валу. Естественно, что не сами жители этого городища сожгли свои укрепления.

В то же время сами «гафурийцы» почему-то не сели-

лись на раннекараабызских пепелищах, а выбирали для своих поселений новые места, как правило, в поймах рек. На это указывает почти полное отсутствие черепков «гафурийских» сосудов на Касьяновском, Михайловском, Воскресенском городищах и наличие рядом с ними городищ, где найдено преимущественно «гафурийская» керамика: Табынское, в 3 км к югу от одноименного села, на берегу р. Усолки, Курмантаевское, на окраине с. Курмантаево, Гафурийского района БАССР (к сожалению, последнее сейчас полностью разрушено хозяйственными постройками и силосными ямами, и от него сохранился только вал и ров).

Городища эти очень интересны прежде всего тем, что в отличие от городищ эпохи раннего железа Волго-Камья, расположены они на мысах, возвышающихся над поймой всего на 10—15 м. Защищающие их валы, хотя и выглядят довольно внушительно, но, как показали раскопки А. Х. Пшеничнюка в 1979 г. на Табынском городище, состояли из обыкновенного чернозема, без каких-либо дополнительных сооружений. Правда, у подножия этого городища еще и сейчас видны следы неширокого рва, напрямую соединявшего некогда две извилины русла р. Усолки. Вполне возможно, что ров этот тоже играл роль оборонительного сооружения, хотя непонятно, почему он был вырыт со стороны реки, которая и так уже являлась естественной защитой.

Судя по огромному количеству костей домашних животных на городищах, «гафурийцы» тоже были преимущественно скотоводы и очень широко в своем хозяйстве практиковали кожевенное ремесло, о чем говорят многочисленные находки костяных тупиков — орудий для обработки кожи. Ну а как же сложилась дальнейшая судьба караабызцев? К счастью, они не растворились среди пришельцев (видимо, последних было не так уж много) и не были вытеснены в дебри Уральских лесов, чтобы там и исчезнуть без заметного следа. Нет, будучи людьми опытными (в свое время им тоже пришлось выступать в роли своеобразных конкистодоров Приуралья), предприимчивыми (как ни как, почти два века жили на самой границе с кочевой степью) и, надо полагать, дальновидными, они, коль скоро противник оказался сильнее (а что так оно и

Реконструкция карабахского женского костюма по материалам Охлебининского могильника (по А. Х. Пшеничнюку).

было мы увидим ниже), погрузили свои пожитки на плоты и лодки и знакомым путем, но уже в обратную сторону, двинулись вниз по Белой. И именно там, ниже устья р. Уфы, расположены поселения и могильники позднего периода караабызской культуры: Уфимское (Чортово) городище на территории города Уфы и могильник рядом с ним, Дудкинское поселение на берегу р. Уфы против с. Дудкино, IV Уфимское городище на том самом высоком мысу, где сейчас установлен памятник Салавату Юлаеву, городище Караабыз, в 3 км от г. Благовещенска, городище и 3 могильника возле деревни Новобиктимирово в Бирском районе.

О том, что эти памятники возникли в более позднее время, чем поселения Гафурийского района, говорит и набор вещей из I и III Биктимировских могильников, которые позволили определить их дату — III—II вв. до н. э., и стратиграфия (последовательное расположение находок в толще культурного слоя) Биктимировского городища, где в самых нижних слоях залегала позднеананьинская керамика, а уже выше нее — караабызская. Причем, последняя отличается от керамики «гафурийских поселений» более бедным орнаментом и более грубым исполнением. И еще, в двух Биктимировских могильниках обнаружено только два погребения, которые по набору вещей можно датировать IV—III вв. до н. э. Но кто может гарантировать, что эти погребения связаны именно с караабызскими поселениями, а не с позднеананьинскими?

Следует подчеркнуть, что отнюдь не все караабызцы под натиском «гафурийцев» ушли со своих насиженных мест. Часть их, и надо полагать, немалая, по-прежнему осталась на своей территории, где и вступила в этническое и культурное взаимодействие с пришельцами. По мнению А. Х. Пшеничнюка, результатом этого взаимодействия и явилось окончательное сложение караабызской культуры в ее «классическом» виде.

Как же это взаимодействие прослеживается на археологическом материале? Начнем с того, что до прихода «гафурийцев» местное население правобережья Средней Белой хоронило своих умерших по обряду, близкому погребальному обряду ананьинских племен. Все могильники этого периода, начиная со Старшего

Шиповского, Уфимского по улице Трактовой и кончая ранними погребениями Охлебининского могильника и могильником на территории санатория «Зеленая роща», грунтовые, т. е. без надмогильных сооружений. Умершие лежат в узких прямоугольных ямах, ногами, как правило, в сторону ближайшей реки. Довольно часто стенки могил обкладывались тонкими каменными плитками. С покойником в могилу помещали только его личные украшения и оружие. Заупокойной пищи в могилу не ставили.

«Гафурийцы» же на правобережье Средней Белой принесли обычай захоронения под курганами. В Шиповском курганном могильнике под одной насыщью находилось от одной до семи могил. Ямы тоже узкие, неглубокие, но умершие лежат в них головами по всем сторонам света. Могил, обложенных камнями, под Шиповскими курганами нет. Кроме личных вещей покойного, «гафурийцы» снабжали его пищей, от которой в могилах сохранились глиняные сосуды и кости домашних животных, как правило овец и лошадей.

Пока невозможно во всех деталях восстановить процесс взаимоассимиляции (взаимодействия) местных караабызских и пришлых «гафурийских» племен. Ясно только то, что на первых порах пришельцы оказались сильнее и не только вытеснили часть караабызцев со Средней Белой, но и какое-то время оставались здесь господствующим этносом. Наглядное тому свидетельство — сохранение еще в III—I вв. до н. э. курганного обряда захоронения (именно так А. Х. Пшеничнюк датирует Шиповские курганы второй группы) при совершенном отсутствии в интересующем нас районе грунтовых могильников этого же времени.

Впрочем, активность «гафурийцев» не должна нас удивлять, поскольку за ней стояла высокая по тому времени военная мощь. Ведь как были вооружены караабызцы и «гафурийцы»? Если исходить из далеко не полных, конечно, данных могильников, то караабызские воины представляются нам пехотинцами, вооруженными короткими копьями, доставшимися им в наследство от предков-ананьинцев. Причем наконечники копий у них были небольшие, легкие, рассчитанные на такого же пешего противника, к тому же не защищенного доспехами.

А что же мы видим у «гафурийцев»? Прежде всего, многочисленные находки предметов конской сбруи (удила и псалии), свидетельствующие о том, что «гафурийцы» предпочитали, по всей вероятности, воевать верхом на коне. Об этом же говорит находка в насыпи кургана № 7 железных удил с дополнительным крестовидным псалием, снабженным острыми шипами (т. н. «псалий строгого типа»), рассчитанным на моментальную реакцию коня, что, как известно, в первую очередь необходимо в бою. Далее, в погребении 5 кургана 9 найден массивный железный наконечник копья длиной 34 см. Копья с подобными наконечниками, тяжелыми и далеко проникающими, благодаря узкому и длинному перу, также были явно предназначены для конного боя.

А вот как выглядит вооружение воина, похороненного в погребении № 4 кургана 5 Шиповского могильника: копье с железным наконечником, короткий (55 см) прямой обоюдоострый меч, лук и колчан с 57 бронзовыми стрелами. Бронзовые наконечники стрел вообще составляют обязательную принадлежность любого погребения с оружием в Шиповских курганах.

Таким образом, судя по вооружению, найденному в погребениях Шиповского курганного могильника, мы можем представить «гафурийских» воинов, как конных стрелков из лука, кроме того, имевших на вооружении тяжелые кавалерийские копья и короткие мечи. Тут, кстати, напрашивается параллель с сарматской конницей, войском, по тем временам практически непобедимым.

Однако, обладая явным военным преимуществом, пришельцы наверняка уступали местному карабызскому населению в численности. Поэтому они, во-первых, не смогли или не рискнули углубляться в дебри приуральских лесов и остановились возле устья р. Сим, во-вторых, сравнительно быстро начинают попадать под влияние материальной и духовной культуры местных племен. К сожалению, в цепи наших данных недостает пока некоторых звеньев, и мы не можем в деталях проследить, как происходил процесс взаимопроникновения двух культур: «гафурийских» и карабызских племен. Но зато мы имеем окончательный

результат этого процесса: Шиповский грунтовый могильник и особенно поздние погребения Охлебининского могильника, датированные уже началом нашей эры. К этому времени окончательно изживает себя принесенный «гафурийцами» курганный обряд захоронения, и поэтому названные выше могильники — грунтовые. Умершие были похоронены в узких прямоугольных ямах, причем, в Охлебининском могильнике могилы очень часто укреплялись каменными плитками — традиция, берущая свое начало в раннекарабызских могильниках. Другая традиционная черта, вновь возродившаяся в начале нашей эры — захоронение покойных ногами в сторону реки. Зато положение покойного головой в сторону реки и помещение в могилу жертвенной пищи (сосуды и кости животных) — элементы, явно заимствованные у «гафурийцев».

Таким образом, погребальный обряд поздних карабызских могильников как раз свидетельствует о том, что в результате постоянных и длительных контактов (среди которых наверняка не последнюю роль играли брачные связи) «гафурийцы» и местное карабызское население выработали культуру, в которой гармонично сочетались традиционные для Приуралья черты и черты, привнесенные пришельцами. Но в целом, надо полагать, традиции местного населения оказались сильнее. Это выразилось в том, что погребальный обряд Шиповского грунтового и Охлебининского позднего могильников все-таки более близок карабызскому обряду «догафурийского периода».

Не менее интересны в этом плане и сосуды, найденные в поздних погребениях Охлебининского могильника. Вылеплены они из глины с примесью песка, тонкостенные, с тщательно обработанной поверхностью. По форме выделяются пиалообразные круглодонные чаши и горшки с широким прямым горлом, часто с небольшим уступчиком при переходе горла в тулово. Чаши, как правило, неорнаментированы, а горшки по верхней части тулова украшены резным зигзагом.

Впервые подобные сосуды были найдены в 1957 г. археологом М. Х. Садыковой при раскопках зольных бугров близ лесоучастка Убалар на р. Зилим. Поскольку эта керамика не имела ничего общего ни с одним из известных тогда на территории Приуралья типов

древней посуды, то она и вошла в археологическую литературу под именем керамики «убаларского типа».

Затем богатые коллекции «убаларских» сосудов были собраны Г. И. Матвеевой при раскопках селища у д. Магаш Архангельского района БАССР и А. Х. Пшеничнюком на Шиповском и Охлебининском городищах, в поздних погребениях Охлебининского могильника и других памятниках.

На первый взгляд эти сосуды как будто бы не имеют ничего общего ни с карабызской, ни с «гафурийской» керамикой. Однако при ближайшем рассмотрении мы убеждаемся, что уступы на внутренней поверхности «убаларских» сосудов весьма напоминают точно такие же уступы на сосудах «гафурийского типа», равно как и убаларский орнамент в виде нескольких рядов зигзагов очень схож с орнаментом на «гафурийской» посуде, хотя в целом чувствуется, что мастера, изготавливавшие «убаларскую» керамику, находились под сильным влиянием карабызских гончарных традиций. Отсюда вполне оправдан вывод археологов Г. И. Матвеевой и А. Х. Пшеничнюка о том, что «убаларский» керамический комплекс «сложился в результате взаимодействия культуры карабызских и «гафурийских» племен.

В начале нашей эры потомки карабызских и «гафурийских» племен — творцы и носители керамики «убаларского типа» — в основном расселились по правобережью реки Зилим, где, кроме уже упомянутых поселений у лесоучастка Убалар и с. Магаш, известны еще селища у сел Красный Зилим Архангельского района и Каран-Елга Гафурийского района, а также курганный могильник у с. Бурлы Гафурийского района, где в 1971 г. А. Х. Пшеничнюком были исследованы два погребения, содержащие «убаларскую» посуду. К слову сказать, Бурлинские курганы — второй, после Охлебининского, могильник, где найдена «убаларская» керамика. Различие в погребальном обряде (курганы) дало основание А. Х. Пшеничнюку выделить Бурлинские курганы и поселения бассейна р. Зилим в особую этническую группу, тогда как Шиповский и Охлебининский могильники исследователь связывает с поздним этапом карабызской культуры. Конечно, по вопросу культурного соотношения карабызских и «уба-

ларских» памятников можно еще спорить и спорить. И не случайно точки зрения археологов, исследовавших эти памятники, разделились.

Если А. Х. Пшеничнюк и В. Ф. Генинг — сторонники культурной самостоятельности «убаларских» племен, то Г. И. Матвеева «убаларские» памятники отождествляет с поздним этапом караабызской культуры. Нам последняя точка зрения представляется более отвечающей истине, поскольку, за отсутствием других равноценных данных, мы пока не можем нигде найти прототипы и истоки «убаларской» керамики, кроме как в синтезе «гафурийских» и караабызских сосудов. А это означает, что население, оставившее поселения типа Убалар, Магаш, Каран-Елга, Красный Зилим и Бурлинские курганы, формировалось здесь в Приуралье. Что касается курганного обряда захоронения, то мы, во-первых, сейчас еще не можем сказать, какой из могильников возник раньше: Охлебининский или Бурлинский, поскольку найденные в Бурлинских курганах железные ножи, наконечники стрел, удила и наконечники копий, бытовали на очень продолжительном отрезке времени; кроме того, почему бы не предположить, что в условиях территориальной отдаленности от караабызцев у потомков «гафурийских» племен курганный обряд сохранился дольше, чем у обитателей района симского устья?

Анализ находок из могильников бассейна р. Белой первых веков нашей эры свидетельствует о том, что приход сюда «гафурийцев» и вызванное ими перемещение местного караабызского населения, в конечном итоге, значительно «перекроили» этнокультурную карту Приуралья. Во второй половине I тысячелетия до н. э., судя по имеющимся памятникам, караабызцы довольно основательно заселяли правобережье Средней Белой, тогда как в низовьях Белой и Ика для этого же времени мы находим отдельные и очень невыразительные пьяноборские могильники. Затем, пришедшие в Приуралье «гафурийцы» вынуждают часть караабызского населения уйти вниз по Белой, где они оставляют нам памятники III—II вв. до н. э., типа I и III Биктимировских могильников, Биктимировского и Караабызского городищ. И, вероятно, появление караабызцев в низовьях р. Белой послужило своеобразным ката-

лизатором, ускорившим развитие материальной и духовной культуры пьяноборских племен Прикамья в начале I тысячелетия до н. э. Или это была своеобразная реакция на вынужденную экспансию карабызцев. Как бы там ни было, но в I—III вв. н. э. в Прикамье, включая и низовья р. Белой до современного г. Бирска, наблюдается широкое расселение пьяноборцев, документальным подтверждением чего являются III Кушувлевский, Старокиргизовский, Камышлытамакский, Юлдашевский, Сасыкульский и другие могильники и многочисленные поселения.

Что касается карабызцев, то, увы, на всем протяжении среднего течения р. Белой от Бирска до устья р. Уфы мы не найдем ни одного карабызского памятника начала н. э. И дело здесь вовсе не в недостаточной археологической изученности данного района. По-видимому, (и логически это вполне оправдано), изгнанные со своих мест карабызцы по прошествии некоторого времени частью растворились в среде этнических родственников пьяноборцев, выступив, таким образом, в роли свежей струи в затухающую культуру послеананьинского населения Прикамья, а частью повторили судьбу своих южных соплеменников, испытавших мощное воздействие со стороны «гафурийцев». Во всяком случае, опять-таки судя по материалу могильников, в I—III вв. н. э. в нижнем течении р. Белой (имеется в виду отрезок ниже устья р. Уфы) карабызцы уже не жили, но зато эта территория была довольно плотно заселена представителями пьяноборских племен.

Все эти этнические перемещения и коллизии, вероятно, заставляли карабызцев находиться в напряжении и постоянной боевой готовности. Отсюда необходимость в той четкой и, надо сказать, достаточно мощной военной организации, которая предстает перед нами при анализе вооружения и воинских погребений карабызских могильников (I, III Биктимировские, Шиповский грунтовый, Охлебининский).

Отсюда мы можем утверждать, что каждый мужчина карабызцев был воином, поскольку до одной трети всех карабызских могил содержат оружие, причем, именно боевое: металлические наконечники стрел, копья, длинные боевые ножи. Мечей и кинжалов карабызцы не знали.

Далее, среди всех караабызских воинов более 30 процентов составляли конные лучники и копейщики (в погребениях, кроме оружия, найдены предметы конской сбруи). Следовательно, в отличие от своих ближайших оседлых соседей, караабызское войско отличалось большей мобильностью и ударной силой. Известно, что и в более поздние времена у различных народов конные копейщики в бою наносили основной таранный удар.

Конные лучники у караабызцев в бою, вероятно, выполняли ту же функцию, что и у скифов и сармат, то есть с расстояния засыпали противника тучами стрел, чтобы расстроить его боевые порядки, или создать «огневое» прикрытие для воинов, идущих на штурм вражеских укреплений.

Пешее караабызское войско состояло из лучников и копейщиков, у которых в качестве вспомогательного оружия был длинный (до 40 см) однолезвийный боевой нож, со слегка вогнутым лезвием, которым можно было наносить широкие резаные раны.

Луки караабызские, естественно, до нас не дошли. Но зато в Шиповских курганах, II Биктимировском могильнике найдены бронзовые подвески, изображающие луки т. н. «скифского типа», небольшие, сильно изогнутые в виде буквы М. Две из них из II Биктимировского могильника изображают луки, вставленные в специальные футляры — гориты. Опираясь на находки этих подвесок, а также на размеры и формы наконечников стрел, мы предполагаем, что караабызские лучники стрелы в своих противников посылали именно из таких луков, форма которых была заимствована ими через посредство ананьинцев у кочевников волгоуральских степей.

Таким образом, мы видим, что караабызское население Средней Белой имело четко отработанную военную организацию, при которой войско, а точнее — народ-войско, состоящее из пеших и конных лучников и копейщиков, по своей структуре во многом повторяло войско кочевников скифо-сарматского мира. И это отнюдь не случайно, поскольку в силу их территориальной близости к савроматским кочевьям, караабызцам и до прихода «гафурийцев» чаще других оседлых пле-

мен лесного Приуралья приходилось отражать лихие набеги савроматской конницы, и чтобы не быть битыми, волей-неволей перенимать все новейшие достижения военного дела степняков. А впоследствии, надо полагать, именно высокий уровень оснащенности и организации войска позволил караабызскому населению не только сохранить свой этнос во всех перипетиях, связанных с приходом в Приуралье «гафурийцев», но и оказать определенное культурное и этническое воздействие на последних.

Естественно, такое отлаженное войско нуждалось и в соответствующем руководстве, т. е. в опытных военных предводителях. К сожалению, археология пока не дает нам погребений, которые достоверно могли бы считаться захоронениями родовых племенных вождей. Как отмечал в своих работах А. Х. Пшеничнюк, мужские и женские караабызские погребения характеризуются примерно равноценным набором вещей, и говорить на их основании о социальном или имущественном неравенстве в среде караабызского общества очень трудно.

Кроме того, почти на всех караабызских могильниках есть по несколько погребений, где умершие захоронены совсем без вещей. По аналогии с соседними культурами (например, пьяноборской) их можно было бы, как считает А. Х. Пшеничнюк, рассматривать как погребения рабов, и то — с большей долей осторожности. Но с другой стороны, эти погребения абсолютно не выделяются среди остальных ни по обряду, ни по месту в могильнике.

Вместе с тем, из данных этнографии известно, что у многих народов (славян, финно-угров) человека, умершего неестественной смертью (во время эпидемии, утонул или был убит молнией), хоронили с соблюдением несколько иных норм погребального обряда. Одним словом, объяснение появлению в караабызских могильниках «бедных» могил можно найти не только в социальном расслоении караабызского общества. И, вероятно, А. Х. Пшеничнюк совершенно прав, считая, что караабызцы находились в своем развитии на стадии патриархально-родового строя, где фигура мужчины-воина полностью вытеснила женщину с арены общественной жизни. Каждый член тако-

го общества (прежде всего мужчина) обладал равными правами и примерно одинаковым богатством, которое, прежде всего, состояло из оружия и набора металлических украшений. А их военные вожди, подобно вождям северо-американских индейцев, выделялись, в первую очередь, своим личным достоинством: силой, храбростью, воинскими заслугами и опытом.

О драматических последствиях военных столкновений карабызцев с соседями (сарматами?) рассказывают находки могил людей, убитых в бою. Так, погребенный в могиле № 94 Охлебининского могильника был буквально изрешечен стрелами: несколько стрел попали ему в грудь, два бронзовых наконечника застряли в позвонках, а один — в берцовой кости. Но не следует думать, что взаимоотношения карабызцев с кочевниками строились исключительно на войне. Ведь в этом случае трудно было бы предположить, что сравнительно небольшое племя смогло бы на протяжении нескольких столетий устоять под ударами сарматских дружин.

Археологический материал Биктимировского, Охлебининского, Шиповского могильников свидетельствует о том, что поздние карабызцы имели довольно устойчивые и оживленные торговые связи со степным югом. В обмен на пушнину (едва ли карабызцы могли предложить что-либо более ценное и искусным в роскоши кочевникам) из степей на север, в леса Приуралья обильным потоком шли бронзовые и серебряные зеркала, стеклянные и гагатовые бусы (изделия причерноморских ремесленников), золотые подвески и другие украшения. Характерно, что химический анализ бронзовых наконечников стрел из карабызских могильников Средней Белой, проведенный казанским археологом С. В. Кузьминых, показал, что отлиты эти наконечники из металла еленовско-ушкатинского медного месторождения на востоке Оренбургской области. Причем, интересно, что на многих карабызских городищах, особенно в Гафурийском районе БАССР, найдены металлургические тигли, литейные формы и наконечники стрел с литейным браком. На основе этих находок некоторые исследователи предполагают, что карабызские племена При-

уралья являлись также и поставщиками стрел для сармат Южного Урала. Насколько это предположение верно — пока сказать трудно. Во всяком случае, мы можем уверенно говорить о том, что медные месторождения Южного Зауралья карабызцам были известны очень хорошо.

Интересна еще и такая деталь: абсолютное большинство привозных вещей, найденных в карабызских погребениях, датируются началом новой эры, т. е. вышли они из рук ремесленников, обслуживающих своими изделиями средних и поздних сармат Поволжья и Приуралья, которые в то время кочевали в 100—120 км южнее карабызской территории (курганы у с. Уязы-Башево в Миякинском районе БАССР). Иначе говоря, мы вновь наблюдаем ту же ситуацию, что и в раннеананьинскую эпоху, когда отсутствие прямых территориальных контактов между кочевниками и лесными оседлыми племенами сопровождалось усилением между ними торгового обмена. Вероятно, в данном случае археология отражает какие-то этнопсихологические нюансы, в древности имевшие место между чуждыми в этническом и хозяйственно-культурном отношении народами.

В конце предыдущего раздела мы говорили о том, что в III—IV вв. н. э. Приуралье вновь испытывает на себе нашествие племен, вероятно, угорского или самодийского происхождения, которые оставили заметный след в материальной культуре, да и в этническом составе коренного населения нашего региона. На правом берегу Средней Белой, и особенно в Прикамье, снова распространяются курганные могильники, где умершие погребены в узких прямоугольных могилах, головой на север или северо-запад. У многих из них череп искусственно деформирован и имеет вытянутую дынеобразную форму. Вместе с пришельцами появляются и новые типы украшений и вооружения. Вместо традиционных для лесного прикамского населения обильных и подчас вычурных бронзовых украшений в курганах Уфимского (в Орджоникидзеvском парке), Ахмеровского, Салиховского, Бродовского могильников мы находим довольно скромно украшенные пояса, наиболее заметной деталью которых являются бронзовые пряжки с длинными подвижными язычка-

ми, и крупные бусины в виде плоских дисков из красного янтаря. Подобные украшения — частая находка в погребениях готского времени в Крыму. Время их бытования очень хорошо определяется по найденным в этих же погребениях монетам. Отсюда мы можем достаточно установить время очередной коллизии в этнической истории Приуралья.

И на сей раз история повторилась... Вначале пришельцы довольно активно и глубоко внедрились в среду местных прикамских племен, вынудив значительную часть пьяноборцев подвинуться на запад, за Вятку.

Более привычные ко всевозможным этническим перипетиям и более «закаленные» карабызцы, надо полагать, устояли и на этот раз. Во всяком случае, археология не фиксирует каких-либо перемещений или заметных этнокультурных изменений среди поздних карабызцев, за исключением появления погребений с описанными выше бронзовыми пряжками на Шиповском грунтовом могильнике (погребения №№ 4, 36, 73, 94, 69, 89). Но они ведь могли попасть сюда какими угодно другими путями. Затем наступает период умиротворения и взаимной ассимиляции, причем ассимиляции с явной победой местных прикамских культурных традиций. И это не случайно. Во-первых, пришельцы, думается, составляли небольшую часть угорских или угросамодийских племен Западной Сибири, которые в начале I тысячелетия н. э. начинают испытывать удары с востока, со стороны гуннов. Во-вторых, уже в силу своего происхождения они в какой-то степени были «родственниками» приуральским племенам, а потому до уровня взаимопонимания дойти им было гораздо легче. И, наконец, мы вправе предположить, что пришельцы и местное пьяноборское и карабызское населения жили в одинаковых природных условиях и имели сходный тип хозяйства, поскольку все известные ныне в Приуралье могильники III—IV вв. расположены не в степи, а по кромке леса и степи или даже, вообще, в глубине прикамских лесов (Бродовский могильник под Кунгуром или могильник Качка в Удмуртии).

Однако местная культура, имевшая глубокие, почти полуторатысячелетние корни, и выдержавшая

столько ударов извне, в конечном итоге, вновь побеждает, и к середине 1 тысячелетия н. э., в канун глобальных этноисторических потрясений, совершенно изменивших этническую карту Прикамья и Приуралья, на севере Башкирии, в бельско-уфимском междуречье, расцветает культура племен, известная в науке под именем бахмутинской, по могильнику у с. Бахмутино, некогда стоявшего на р. Уфе. В ней органически сплелись погребальный обряд, некоторые типы женских украшений и керамика, корнями своими уходящие в пьяноборскую и караабызскую культуры, и элементы материальной (пряжки, пояса) и духовной (северо-западная ориентировка погребенных) культуры, принесенной в Приуралье племенами, оставившими Салиховские, Ахмеровские, Уфимские и др. курганы.

Бахмутинская культура, представленная несколькими сотнями городищ, поселений и могильников (и число их с каждым годом продолжает увеличиваться), явилась венцом непрерывного двухтысячелетнего развития финно-угорских или точнее — финно-пермских племен Приуралья и исчезла, судя по имеющимся в распоряжении археологов данным, совершенно внезапно и бесследно, оставив нам массу загадок и широкое поле для всевозможных гипотез и предположений относительно этнической истории края в конце I тысячелетия н. э., т. е. в период начавшегося формирования башкирского народа.

Но это уже тема новой книги.

Заключение

Наше длительное путешествие по «стране гипербореев» завершилось. Вместе с археологами мы познакомились с тайнами сарматских курганов и побывали на раскопках городищ оседлых племен. Увидели, как по отдельным крупницам собирается материал для исторических обобщений, и убедились, что в археологии нет мелочей, поскольку любая находка, любой факт содержат в себе огромный заряд информации, извлечение которой не ограничивается только раскопками, но продолжается затем в тиши кабинетов и научных лабораторий. И в результате этой огромной и кропотливой работы, из сотен километров, пройденных археологической разведкой, из тысяч кубометров просеянной сквозь пальцы исследователя земли, в пылу и запале научных споров и дискуссий восстает облик той далекой «героической», по словам Ф. Энгельса, эпохи, откуда, собственно говоря, и начинается история многих современных народов Урала и соседних с ним территорий.

Конечно, ни кочевники приуральских степей — савроматы и сарматы, ни оседлые хозяева лесов Прикамья и Белой — ананьинцы, пьяноборцы и караабызцы не оставили нам, да и не могли оставить, ни пышных городов, ни величественных храмов, ни мраморной классической скульптуры. Тому есть масса объективных исторических причин. И вместе с тем, как это ни парадоксально звучит, так называемые обитатели глухой периферии, полудикие, с точки зрения просвещенного эллина, племена также оказывали воздействие на ход исторических процессов в Древнем

мире. Прежде всего, уже потому, что они и составляли ту самую периферию, откуда в центры греческой и римской цивилизаций поступало всевозможное сырье и рабы. Далее, они, обитатели уральских степей и лесов, являлись одним из основных потребителей периферийных (относительно Афин и Рима) ювелирных, гончарных, винодельческих и, вероятно, ткацких мастерских, тем самым объективно стимулируя развитие ремесленного производства на окраинах античного мира. Через земли кочевников Южного Приуралья проходил, как считают исследователи, торговый путь, во времена Геродота связывавший Средиземноморье и Причерноморье с Зауральем и Южной Сибирью. Это, так сказать, сугубо экономическая сторона вопроса.

Но не следует забывать, что племена северной периферии занимали определенное место и в культуре античного мира. И не случайно на страницах «Истории» Геродота немало места уделено описанию савроматов, будинов, фиссагетов и других народов, в том числе живших и на Урале. Да и сам Урал (Рифейские горы) в античном мировоззрении был не просто географическим явлением, но образом, олицетворявшим представления древних греков об ушедшем безвозвратно «Золотом веке» (подробнее об этом смотри И. Пьянков. «Рифеи — миф или реальность?» Жур. «Уральский следопыт», 1978, № 8).

Кроме того, и образ крылатого грифона, обильно выходивший из стен ювелирных мастерских причерноморских городов-колоний, также был навеян легендами о Рифеях и грифах, стерегущих там золото. И, наконец, не приходится отрицать заметной роли сармат в крупных политических событиях Древнего мира, о чем мы уже говорили в первом разделе этой книги.

Что касается оседлых обитателей приуральских лесов, носителей ананьинской, пьяноборской и карабызской археологических культур, то именно с них начинается история современных финно-угорских народов Волго-Камья: коми, удмуртов, марийцев. Туда, в глубины I тысячелетия до н. э., уходят своими корнями традиционные виды хозяйства, декоративно-прикладное искусство, духовная культура и языки

этих народов. И пронеся сквозь века жемчужные зерна своей национальной культуры, сохранив их, несмотря на всевозможные превратности своей исторической судьбы, потомки племен эпохи раннего железа в I тысячелетии н. э. среди благодатных пойм и лесов Приуралья встречаются с предками башкирского народа, чтобы начать новый период своей истории, период взаимного культурного и духовного обогащения. Венцом этого процесса явилось формирование в Волго-Уральском регионе многообразной и многонациональной культурно-исторической общности, гармонично объединившей в своих пределах многочисленные народы с самыми различными историческими судьбами и различными культурными традициями.

И в заключение следует еще раз подчеркнуть, что историю Древнего мира едва ли будет верным представлять только как историю расцвета и гибели мировых цивилизаций Переднего Востока и Средиземноморья. Нет, в ее блистающей ткани золотыми нитями вплетена история племен далекой северной периферии, чьи маленькие городища и скромные могильники, чей добытый тяжким трудом многих поколений хозяйственный опыт и почти навсегда исчезнувшее во мгле веков мировоззрение легли незаметными, но от этого не менее важными, кирпичиками в стены величественного здания Истории и Культуры Человечества.

И рано или поздно на страницах учебников истории Древнего мира свое место займут племена и народы, история которых по крупницам извлекается сейчас из праха тысячелетий осторожными руками археологов. И школьники на уроках также бойко и со знанием дела, как они сейчас рассказывают о походах Александра Македонского или восстании Спартака, будут повествовать о походах сарматских дружин или о развитии хозяйства у ананьинцев. Это и будет венцом всей нашей сегодняшней работы. Так что продолжение следует...

А пока впереди — новые полевые маршруты, новые раскопки, новые поиски и, несомненно, находки. Ведь то, что мы знаем сейчас о жизни и культуре наших далеких земляков и предшественников, это даже не портрет, это — отдельные штрихи к портрету той да-

лекой «героической» эпохи, отделенной от нас мглою тысячелетий.

Причем, каждый новый год приносит нам не только новые находки в поле, и новые достижения в развитии самой археологической науки. Появляются более совершенные приемы и методы исследования и обработки археологических материалов, заставляющие нас еще и еще раз обращаться к уже известным материалам с целью получения дополнительной, более глубокой и объективной информации.

Так, если 10—15 лет назад мы могли только предполагать наличие торговых связей между Прикамьем и Кавказом, сравнивая визуально схожие между собой вещи, найденные в этих районах, то теперь, благодаря методу спектрального анализа, можем говорить об этом уверенно. Разработанный в лаборатории профессора М. М. Герасимова метод пластической реконструкции позволяет нам взглянуть в лица наших далеких предков, применение ЭВМ в камеральных археологических исследованиях дает возможность для более быстрого и более точного типологического анализа массового материала (керамики, кремневых и костяных орудий и т. д.), а споро-пыльцевой анализ почвы, взятой с древнего поселения, позволяет реконструировать окружавший это поселение ландшафт и т. д.

И сейчас даже самый малый «кусочек» древней культуры (случайно найденный черепок, кинжал, наконечник стрелы или топор) при соответствующей обработке может заговорить в полный голос, раскрывая перед нами еще одну, подчас совершенно неожиданную страницу Древней Истории.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1976.

Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. — «Вопросы археологии Урала», вып. 10. Свердловск-Ижевск, 1970.

Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. М., 1952.

Пшеничнюк А. Х. Караабызская культура. — «Археология и этнография Башкирии», т. V, Уфа, 1973.

Пшеничнюк А. Х. Шиповский комплекс памятников. — «Древности Южного Урала». Уфа, 1976.

Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. М, 1961.

Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964.

Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа М., 1977.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
У истоков цивилизации	5
Путешествие в страну фиссагетов	31
Хозяева бельского устья	62
Загадки карабызцев	92
Заключение	120

**Владимир
Александрович
Иванов**

**У ПОДНОЖИЯ
РИФЕЙСКИХ
ГОР**

Редактор *Г. А. Осташевская*
Рецензент *Н. В. Бикбулатов*
Художественный редактор *И. С. Файрушин*
Технический редактор *Г. А. Даутова*
Художник *В. П. Ковалев*
Корректор *Н. А. Смольникова*

ИБ № 1924

Сдано в набор 20.10.81. Подписано к печати 29.01.82
Формат бумаги $84 \times 108 \frac{1}{32}$. Бумага тип. № 3. Гарнитура Балтика.
Печать высокая. Условн. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 6,93. Учетн.-изд.
дат. л. 6,23. Тираж 5000 экз. ПО3146. Заказ № 314. Цена 15 коп.
Башкирское книжное издательство. Уфа-25, ул. Советская, 18.
Уфимский полиграфкомбинат Госкомиздата Башкирской АССР.
Уфа-1, проспект Октября, 2.

**В БАШКИРСКОМ
КНИЖНОМ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
ВЫШЛИ КНИГИ:**

**Коллектив авторов.
История Уфы.**

Орденоносный город Уфа в 1974 году отметил 400-летие своего основания. Книга прослеживает многовековую историю города с момента зарождения до наших дней.

**Коллектив авторов.
Белебей.**

В книге рассказывается об одном из старейших городов Башкирии, его истории, революционных и трудовых традициях, современном социальном и культурном облике.

**Коллектив авторов.
Говорят чапаевцы.**

Книга о боевых действиях 25-й Чапаевской дивизии, которая за три недели прошла путь от берегов Ика до реки Белой и, разгромив отборные части колчаковцев, 9 июня 1919 года освободила город Уфу.

15 коп.

Башкирское
книжное издательство
1982